

Анна Хоуп

*Между мечтой и реальностью, молодостью
и зрелостью, жизнью и смертью остается
только ожидание или... надежда.*

ОЖИДАНИЕ

Анна Хоуп

Ожидание

Серия «Такая разная жизнь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64727881

Ожидание:

ISBN 978-5-17-121266-7

Аннотация

Ханна, Кейт и Лисса – три подруги, чья юность обещает длиться вечно. Безрассудные и амбициозные, полные надежд, они верят, что мир принадлежит им. Они верят, что жизнь – это грандиозный спектакль, в котором им отведены главные роли. И кажется, что все начинает сбываться... осталось лишь немного подождать. Но время идет, и миражи рассеиваются.

Успешная и стабильная карьера Ханны не приносит ей счастья, она отчаянно мечтает о ребенке, с болью наблюдая за тем, как для Кейт материнство становится не радостью, а тяжелым испытанием. Лисса по-прежнему не ищет покоя, она все та же авантюристка, актриса; но ролей для нее становится все меньше, и внезапно ей приходится стать собой – одинокой женщиной без больших надежд на будущее.

Три подруги, и у каждой есть то, что недоступно другой. Будто счастье рассеяно по миру, но ты никогда не знаешь, какое

достанется тебе. Три человека, которые отчаянно надеются на лучшее, которое вот-вот наступит.

Содержание

2004 год	6
Лондонские поля [1]	6
2010 год	14
Ханна	14
Кейт	20
Лисса	29
Кейт	44
Протесты	55
Ханна	66
Лисса	74
Единомышленник	91
Кейт	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Анна Хоуп

Ожидание

*Вы не решаете, становиться матерью или нет.
Вы лишь можете ступить на свой страх и риск
на неизведанную территорию материнства.*

Жаклин Роуз. «Матери: эссе о любви и жестокости»

© 2020 by Анна Норе

© Банкрашков А.В., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

2004 год

Лондонские поля ¹

Сегодня суббота, базарный день. Поздняя весна или раннее лето. Точнее сказать, на дворе середина мая; время, когда в заросшем саду перед домом уже расцвел шиповник. Еще слишком рано для выходных, но Ханна и Кейт уже встали. Они почти не разговаривают друг с другом, по очереди готовя тосты и чай, но в их движениях есть необъяснимая слаженность, она особенно чувствуется этим утром на кухне, когда солнце бросает свои косые лучи, освещая полки с беспорядочно расставленными кастрюлями, книги рецептов и плохо покрашенные стены. Когда девушки переехали сюда два года назад, они поклялись избавиться от этого ужасного лососевого цвета на кухне, но руки так и не дошли. Теперь им нравится и то, что есть. Как и все в этом ветхом доме, где царят тепло и уют.

Лисса спала наверху. По выходным она редко вставала раньше полудня, так как работала в местном пабе и по-

¹ Лондонские поля – большой парк в городской черте, который существует еще с 1540 года. – Здесь и далее примечания переводчика.

сле смены часто ходила на вечеринки, которые устраивались в одной из квартир в Далстоне по Кингсленд-роуд или еще дальше, в художественных студиях Хакни Уика.

Ханна и Кейт покончили с тостами и, решив не будить Лиссу, взяли выцветшие холщовые сумки с полки за дверью и вышли навстречу ярким лучам наступившего утра. Девушки проделали привычный путь, поворачивая то налево, то направо, чтобы в конечном итоге оказаться на Бродвейском рынке, где только что открылись торговые палатки. Это было их излюбленное время, когда толпа еще не запрудила улицу. Девушки купили у булочника в начале дороги миндальные круассаны. Купили крепкий, созревший чеддер и козий сыр, покрытый золой. Свежие помидоры и хлеб. У торгующих с колес турок они из большой кучи периодики выудили газету. Потом на всякий случай взяли пару бутылок вина. Риоха, всегда риоха. Девушки не знали ничего о вине, но знали, что им нравится риоха. Они неторопливо шли вдоль улицы от одной палатки к другой, разглядывая антикварные вещицы и подержанную одежду. Ближе к девяти утра, как это часто бывает на лондонских рынках, у пабов стали собираться люди, чтобы взять по первой пинте пива.

Вернувшись домой, подруги разложили еду на кухонном столе, сварили почти полный кофейник кофе, включили музыку, а затем распахнули окно, которое выходило в парк, на лужайке уже собирался народ. Время от времени кто-нибудь из них поднимал голову и смотрел в сторону дома.

Подруги догадывались, о чем они думали. «Как можно было так хорошо устроиться? Как вообще у них получилось поселиться в трехэтажном викторианском таунхаусе на краю лучшего парка в Лондоне? Не иначе как повезло». Просто знакомый одной из подруг Лиссы предложил ей комнату, а потом, уже в этом году, в доме освободились еще две, и теперь девушки живут здесь втроем. Формально дом принадлежал им, хотя у них и не было подтверждающих это документов. При этом если агент по недвижимости где-то и был, то проживал он далеко от их Стамфорд Хилла. Девушки подозревали, что он и сам не знал, что происходит с этим районом, поскольку их арендная плата не менялась в течение последних трех лет. Они договорились ни о чем друг друга не просить, не жаловаться на облупившийся линолеум и грязные ковры, ведь все эти мелочи не имеют значения, когда так нравится сам дом.

Где-то около одиннадцати утра проснулась и спустилась вниз Лисса. Она выпила стакан воды, после чего перешла к кофе и круассанам. Лисса вышла на крыльцо, взяв кофе и сигарету, чтобы насладиться утренним солнцем, которое только начинало согревать нижнюю каменную ступеньку.

Когда с кофе и сигаретой было покончено, утро плавно перетекло в полдень, и все трое вынесли тарелки, еду и одеяла в парк, где устроились в пятнистой тени своего любимого дерева. Обед на природе проходил нарочито медленно. Ханна и Кейт по очереди читали газету, а Лисса, прикрыв

лицо ее разворотом, задремала. Чуть позже они открыли вино, которое очень хорошо пошло и в результате довольно быстро закончилось. День меж тем уже катился к вечеру, и свет солнца становился приглушеннее. Болтовня в парке все нарастала и раздавалась отовсюду.

Примерно так протекала их жизнь на Лондонских полях в 2004 году. Девушки много работали, ходили в театр, в картинные галереи и на концерты малоизвестных групп. Ели вьетнамскую еду в ресторанах на Мар-стрит и на Кингсленд-роуд. По четвергам они посещали вернисажи на Вайнер-стрит и все галереи подряд, а еще пили бесплатное пиво и вино. Они даже следовали советам экологов и не использовали пластиковые пакеты, когда ходили в магазин на углу, хотя иногда и забывали об этом. Много ездили на велосипедах, редко надевая шлемы. Смотрели фильмы в кинотеатре «Рио» в Далстоне, а потом ходили в турецкие рестораны, ели пиццу, пили турецкое пиво и закусывали аппетитными солеными огурцами, от которых текли слюнки. Ходили они и на цветочный рынок на Коламбия-роуд, где по воскресеньям рано поутру покупали цветы (иногда, если Лисса рано возвращалась с вечеринки, она покупала дешевые букеты для всех: охапки гладиолусов и ирисов, а случалось, что ей отдавали их бесплатно за необычайную красоту).

Они ходили с похмелья на городскую ферму на Хакни-роуд, ели на завтрак какой-то жареный фастфуд среди больших семейных компаний с орущими детьми и клялись нико-

гда больше не ходить туда воскресным утром, пока у них не появятся собственные дети.

Иногда по выходным девушки прогуливались по Риджентс-каналу до парка Виктории, а потом по старому Гриную до острова Трех мельниц, наслаждаясь удивительными видами Лондона, которые открывались с канала. Они фотографировали граффити в подземных переходах, оставались в старых забегаловках для рабочих и съедали огромные завтраки. Иногда ходили в другую сторону, вниз по Брик-лейн, чтобы купить рогалики в круглосуточных пекарнях, и дальше, продираясь через вечное столпотворение туристов, привлеченных рассказом о битве на Кейбл-стрит ². Много лет назад там социалисты схватились с «черными рубашками» Освальда Мосли ³, а в 1980-х годах память об этом событии увековечили на стенах домов. Девушки пробовали угля и пюре с ликером в магазинчике в самом конце Кейбл-стрит, где дорога вымощена оригинальными викторианскими плитками. Иногда они проделывали все то же и на обратной дороге, но угля уже не ели.

Девушки интересовались историей Ист-Энда. В книжном магазине в конце улицы они покупали книги по психогеографии. Пытались читать Яна Синклера и, потерпев неудачу

² * Битва на Кейбл-стрит – стычка 1936 года между английскими чернорубашечниками из Британского союза фашистов и охранявшими их марш полицейскими с одной стороны и антифашистскими демонстрантами с другой.

³ Сэр Освальд Эрнальд Мосли – британский политик, баронет, основатель Британского союза фашистов.

на первой главе, переходили на другие, более доступные книги о последовательных волнах иммиграции, оставивших свой след в истории города: гугеноты, евреи, бенгальцы. Девушки осознавали, что сами являются частью одной из волн иммиграции. И, если по-честному, эту волну иммиграции, частью которой были сами, они хотели бы остановить. Их откровенно пугала конкуренция со стороны людей, похожих на них самих.

Девушек волновало многое. Их беспокоило изменение климата, когда они читали об увеличивающейся скорости таяния вечной мерзлоты. Они тревожились за детей, которые жили в многоэтажках прямо за гастрономом, где девушки покупали кофе и табуле. Они размышляли о шансах этих детей устроиться в жизни и о своих собственных возможностях в этом мире. Они тревожились о преступлениях с применением холодного и огнестрельного оружия, а потом читали, что они случаются только в разборках между бандами, и чувствовали облегчение, а после вновь испытывали беспокойство от того, что чувствовали облегчение. Они думали о парне, сидевшем и просившем милостыню у дверей винного магазина. Они рассуждали о подъеме джентрификации ⁴, который наблюдался в лондонском Сити и в застройках по границам их парка. Иногда они чувствовали,

⁴ Джентрификация – реконструкция пришедших в упадок городских кварталов путем благоустройства и последующего привлечения более состоятельных жителей.

что должны беспокоиться и о чем-то другом, но, поскольку тогда они были просто счастливы, то старались недолго пребывать в этих своих размышлениях.

Их не волновали ни ядерная война, ни процентные ставки, ни рождаемость, ни всеобщее благосостояние, ни стареющие родители, ни студенческие долги, ни поиски мужчин.

Они входили в седьмой год тринадцатилетнего господства нового лейборизма – время протестов и маршей. На улицах Лондона раньше часто проходили марши против законопроекта об уголовном правосудии или против войны в Ираке. Но все это было в прошлом, и уже пару лет люди не выходили на протестные митинги.

Им было по двадцать девять лет, и ни у кого из них не было детей. Для любого другого поколения в истории человечества этот факт был бы из ряда вон выходящим, но в современном мире на него не обращали внимания.

Они знали, что этот парк «Лондонские поля», эта трава, на которой они обычно лежат, всегда были общей землей, местом, где люди пасли своих коров и овец, и этот факт радовал их. Они верили, что это каким-то образом объясняет притягательность маленького пятнистого клочка зелени, который они любят. Они чувствовали, что владеют этой землей, потому что она принадлежит всем.

Они хотели бы остановить время прямо здесь и сейчас – в этом парке, пока все так великолепно при свете дня. Они хотели бы, чтобы цены на жилье оставались доступными

и в дальнейшем, хотели бы курить сигареты и пить вино, как будто они все еще молоды, и все остальное не имело бы никакого значения. Они хотели бы остаться здесь, в красоте этого теплого майского дня. Они хотели бы и дальше жить в лучшем доме, гулять в лучшем парке, в лучшей части лучшего города на планете. Большая часть их жизни была впереди. Они совершали незначительные ошибки. И хотя они были не так уж и молоды, старыми они себя не чувствовали. У них еще было время оглянуться назад и время взглянуть вперед. Жизнь по-прежнему была открыта для них и полна возможностей. Еще оставались распахнутыми двери, ведущие к неизведанным путям.

У них еще было время стать теми, кем они станут.

2010 год

Ханна

Ханна сидела на краю кровати, изучая одинаковые ампулы. Она провела ногтем по тонкой обертке, достала одну и теперь держала ее на ладони. Крохотный стеклянный пузырек почти ничего не весил. Потом быстрый взмах иглы, точное движение кончика пальца – все, что нужно, чтобы выпустить пузырьки воздуха. Она знала, что делает, поскольку делала это раньше. Стоп, все, достаточно. Возможно, ей следует на будущее поставить на шприце метку.

Она еще не забыла, как два года назад в первый раз Нэйтан склонился над ней, целуя ее животик. Так было каждый раз, когда она делала себе уколы.

Но сегодня утром он поцеловал ее по-особенному: «Обещай мне, Ханна, что это был последний раз».

Разумеется, она пообещала, потому что знала, что больше никаких операций не понадобится.

Она задрала рубашку и зашипнула складку кожи. Инъекция – это дело одной секунды. Закончив, она встала, поправила одежду и отправилась на работу.

Когда Ханна выходила в «Рио», Лиссы дома не было, так что она в одиночестве выпила чаю в мини-баре и вышла на

улицу. Стоял сентябрь, но погода держалась еще теплая, и небольшая площадь рядом с кинотеатром была заполнена людьми. Ханна заметила Лиссу намного раньше, чем та ее. Ее высокая фигура, как маяк, возвышалась над толпой на улице, ведущей к железнодорожной станции. На Лиссе было пальто, которого Ханна никогда раньше не видела, узкое в плечах и расклешенное книзу. Длинные волосы Лиссы, как всегда распущенные, колыхались в такт ее шагам. Она подошла.

– Мне определенно нравится, – сказала Ханна, зажимая грубый льняной отворот пиджака большим и указательным пальцами.

– Это? – проговорила Лисса, глядя сверху вниз и как будто сама удивляясь, что надела его. – Я взяла его за копейки много лет назад. Помнишь благотворительный магазин на Мар-стрит?

– Вино будешь? – спросила Лисса.

– Уже не могу, – поморщила нос Ханна.

– Опять пыталась? – спросила Лисса, касаясь ее руки.

– Этим утром.

– Как ты себя чувствуешь?

– Отлично. Чувствую себя прекрасно.

– Не сомневаюсь ни секунды, – сказала Лисса, решительно сжимая ее руку.

Ханна проследила, как Лисса пробиралась к бару. Она видела, как зарделся обслуживающий ее молодой человек. Но-

вый взрыв смеха, и Лисса возвратилась на улицу, неся красное вино в пластиковом стаканчике.

– По сигарете?

Но Ханна только подержала стаканчик, пока Лисса доставала сигареты.

– Когда же ты от этого откажешься? – спросила Ханна.

– Скоро, – ответила Лисса, закуривая и выпуская дым в сторону.

– Ты говоришь это уже пятнадцать лет.

– Разве? Ну и ладно.

Браслеты Лиссы звякнули, когда она взяла пластиковый стаканчик.

– Кстати, мне ответили, – сказала она.

– А? – протянула Ханна. К своему ужасу, она совершенно забыла, о чем идет речь. У Лиссы было так много прослушиваний.

– Мелочь, но приятно. Хороший режиссер. Ну, та полька! Теперь Ханна вспомнила.

– Чехов?

– Да. «Дядя Ваня». Роль Елены.

– Ну и как все прошло?

Лисса пожала плечами.

– Хорошо, местами отлично, – заверила она, сделав глоток вина. – Кто знает? Она довольно много работала со мной над речью. По акценту и манерам она действительно производит впечатление польки.

«Давай еще раз. Более реалистично. Все не то! Где твои эмоции, выше тембр, зафиксировали», – попыталась изобразить она.

– Господи! – рассмеялась Ханна, которую всегда удивляло, с какой чушью Лиссе приходилось мириться. – Даже если ты не получишь эту роль, то всегда сможешь поставить моноспектакль «Режиссеры, с которыми я познакомилась и которые меня отвергли».

– Да, было бы смешно, не будь это правдой. Но все равно смешно. Просто... – Лисса нахмурилась и выбросила сигарету в канаву. – Не говори так больше.

– Неплохо, – подытожила Лисса, когда они вышли из кинотеатра на темную улицу. – От Чехова оставили совсем немного, – заметила она, протягивая руку Ханне.

– Катарсис в конце сохранили. Той польке это, наверное, понравилось бы.

– И заметь, никаких приличных ролей для женщин, – сказала Лисса, когда они направились к рынку.

– Неужели?

Сразу эта мысль Ханне в голову не пришла, но теперь она осознала, что это правда.

– Тест Бекдел ⁵ эта пьеса бы не прошла.

– Тест Бекдел?

⁵ Тест Элисон Бекдел (тест Бехдель) – проверка художественного произведения на гендерную предвзятость.

– Господи, Ханна, ты еще себя феминисткой считаешь? – с недоумением спросила Лисса, подходя к переходу и оставиваясь. – Ну смотри – в фильме показали двух женщин? У них обеих были имена? Говорили ли они хоть о чем-то, кроме мужчины? Одна американка это придумала. Многие из фильмов и книг при прохождении этого теста терпят неудачу. Я бы даже сказала, что большинство.

Ханна задумалась.

– У них был разговор, – возразила она. – В середине фильма насчет рыбы.

Подруги громко расхохотались, держась за руки и переходя дорогу.

– Кстати, о рыбе... – заметила Лисса. – Не хочешь чего-нибудь съесть? Мы могли бы спуститься и купить лапши.

Ханна достала телефон:

– Мне уже пора. Отчет нужно сдать к завтрашнему дню.

– Тогда через рынок?

– Конечно.

Это был их любимый путь домой. Они прошли через ночной рынок, миновав закрытые ставнями фасады африканских парикмахерских, стопки картонных коробок, валяющихся на земле. Прошли мимо ящиков с переспелыми манго и жужжащими вокруг них мухами. От мясных лавок исходил тяжелый кровавый дух. На полпути вниз по улице был открыт бар, и молодые люди группой стояли снаружи, потягивая яркие коктейли с ретро-зонтиками. В толпе царил шум-

ный дух свободы. Некоторые все еще не сняли темные очки, хотя на улице уже смеркалось. При виде их Лисса дернула Ханну за руку.

– Пойдем, мы же можем выпить по бокалу?

Но Ханна вдруг почувствовала усталость и раздражение от этих молодых людей, смеющихся в будний вечер, просто так, от веселого настроения Лиссы. И откуда у нее эта постоянная способность забывать, что в последнее время Ханна вообще не пьет?

– Ты иди. Мне нужно быть дома пораньше. Думаю, я поеду на автобусе.

– Ну ладно, – обернулась Лисса, – пожалуй, я пойду пешком. Сегодня такой чудесный вечер. – Она провела ладонью по лицу Ханны. – Удачи тебе!

Кейт

Ее кто-то зовет. Она следует за голосом, но он отдается эхом, и откуда он исходит, не понять. Она вырывается из сонного царства, выныривает на поверхность и понимает, что это плачет ее сын, который лежит рядом в постели. Она прижимает его к груди и нащупывает телефон. На экране высвечивается 3:13 – меньше часа с момента его последнего пробуждения.

Ей снова снился кошмар: разгромленные улицы, развалины. Она блуждала в поисках чего-то или кого-то среди обгоревших остовов зданий, но не узнавала ни улиц, ни города. Она не знала, где находится, чувствовала, что все кончено, все разрушено.

Том снова повернулся к ней и прильнул к ее груди. Постепенно его хватка стала ослабевать. Она прислушивалась к изменению его дыхания: оно замедлялось, свидетельствуя о том, что малыш засыпает. Затем едва заметным движением она вынула сосок из его рта, положила руку сверху, повернула его на бок и натянула одеяло на ухо. И вот она снова падает и падает в бездну сна, как в воду. Но он снова плачет, теперь уже громче, объявляя о своем горе, своем негодовании, что она вот так придавила его.

Кейт открыла глаза и увидела своего маленького сына, извивающегося под ее рукой в свете, льющемся из окна. Она

подняла его и погладила по спине. Он слегка рыгнул, и она опять приложила его к груди. Закрыв глаза, Кейт чувствовала, как он сосет, а затем ненароком кусает ее. Вскрикнув от боли, она откинулась на кровати. Том вопил, размахивая руками и ногами, сжимая маленькие кулачки.

– Что? Ну что такое? – проговорила она, закрывая лицо ладонями. – Прекрати, Том. Пожалуйста, пожалуйста.

По другую сторону тонкой стены Кейт слышала тихие голоса, скрип кровати. Ей захотелось в туалет, и она подвинула сына на середину постели. Неуклюже выйдя к лестнице, она замешкалась. Справа – вторая спальня, где спал Сэм. Его ничто не могло потревожить. Внизу виднелся узкий коридор, заваленный грудой коробок и кучей вещей, – она не занималась ими с самого переезда.

Она могла бы покинуть этот дом, натянуть джинсы и ботинки и уйти отсюда, от этого плачущего существа, которое никак не может успокоиться, от этого мужа, окутанного сейчас межзвездной пустотой своего сна. Но она будет не первой женщиной, которая так поступит.

...А в спальне крики ее сына становились все громче, словно это кричал не младенец, а испуганный зверек.

Она поспешила в туалет и, спотыкаясь, возвратилась в спальню, где плакал Том. Кейт легла рядом с ним и прижала его к груди. Нет, конечно, она не уйдет – это последнее, самое последнее, что она сделает. Но ее сердце странно билось, дыхание прерывалось. Возможно, у нее не будет выбо-

ра. Возможно, она, как и ее мать, умрет, оставив сына на воспитание отцу и его семье в этом безжизненном доме в дальних краях графства Кент. Но как же оставить его наедине с ужасами будущего?

Наконец Том затих у нее на груди, расслабился и уснул. Она же окончательно проснулась, хотя неприятный сон все еще преследовал ее.

На улице движение на кольцевой дороге стало оживленнее, грузовики выезжали на побережье и возвращались из портов Ла-Манша. Шум стоял такой, словно огромная скрипучая колымага неуклюже тащилась по дороге. Кейт чувствовала, как адреналин поступает в кровь.

Она не хотела жить здесь, с этим сумасшедшим трафиком, с белыми пластиковыми окнами и звуками, доносившимися из соседнего дома. Она хотела жить в старинном каменном коттедже с колодцем на заднем дворе. Хотела пить минеральную воду, которую сама будет черпать из глубин земли. Она хотела чувствовать себя в безопасности.

На ее запястье красовалась татуировка – серебрищийся в лунном свете, филигранный паук в своей филигранной паутине. Она осторожно провела по нему большим пальцем – теперь это реликвия из другой жизни.

Ей хотелось хоть с кем-то поболтать, найти кого-то, с кем она не разговаривала много лет, кого-то, с кем бы она почувствовала себя в безопасности.

Она сидела на скамье лицом к реке. Над водой поднимался туман, а берега густо поросли крапивой. Она помнила это место еще тихим и безлюдным, но теперь на тропинке царило оживление: туда-сюда сновали любители утренних пробежек и понурые работяги, направлявшиеся рано утром к городу. Подросший Том стал спокойнее, она ощущала его теплую тяжесть на груди, а ее глаза то и дело вглядывались в милое личико. На эту скамейку она приходила, когда он плакал без умолку и она не могла успокоить его в доме. На мобильном высвечивалось почти семь утра, значит, скоро откроется супермаркет и появится по крайней мере одно место, где можно будет укрыться от дождя. Она встала и пошла вдоль берега маленького притока, по горбатому мосту, подземному переходу мимо автостоянки. К тому времени, когда она присоединилась к небольшой толпе у дверей супермаркета, начал накрапывать дождь.

Охранница в форме вышла на улицу, бросила взгляд на небо и зашла обратно. Лежавший в слинге Том начал хныкать, и Кейт шикнула на него, направившись к открывающимся дверям. Люди, встрепенувшись, последовали за ними, устремляясь по проходу к пекарне, где в нагретом воздухе распространялись ароматы ванили и сдобы. Кейт отправилась сразу в детскую секцию, где принялась наполнять кор-

зину пюрешками. Сначала она покупала эти пакеты по одному или два, уверенная в том, что следующее блюдо она приготовит сама и правильно. Но потом Кейт стала покупать пюре оптом, впрочем, как и подгузники. Сначала она собиралась пользоваться стиралками, но после тяжелых родов начала использовать одноразовые предметы. А потом она переехала, и вот теперь укладывает в корзину огромные пакеты с подгузниками, которые природа не сможет переработать, наверное, и за полмиллиона лет.

Прогулка домой мимо зданий с дощатыми остроконечными крышами, мимо деревьев, заключенных в бетонные и проволоочные клетки, мимо закрытых деревянными щитами мусорных баков с навесными замками, мимо автостоянки с ее шлагбаумами и знаками, предупреждающими о том, что на стенах краска против паркура, заняла совсем немного времени. Зайдя в дом, Кейт прошла на узкую кухню и положила сумку, вынула Тома из слинга и посадила его на высокий стул. Она выбрала пюре с бананом и черникой, и Том тут же протянул к нему ручки. Кейт раскрутила запечатанную крышку и поднесла пластиковый сосок к губам сына. Он радостно обхватил его губами, словно маленький космонавт, принимающий космическую еду из тубика.

– Доброе утро. – Появился Сэм с растрепанными от сна волосами. Похоже, он спал в той же одежде, что и прошлой ночью, – в выцветшей футболке и боксерах. Он прошел прямо к чайнику, не поднимая головы, протянул руку, чтобы

проверить температуру, щелкнул выключателем. Вчерашняя кофейная гуща полетела в мусорное ведро – кофейник был промыт. И вот уже новая кофейная гуща полетела в ведро – непростительная роскошь утреннего транса. Не было смысла говорить, пока кофеин не попал в организм.

– Доброе утро, – ответила она.

Сэм посмотрел на нее мутным взглядом.

– Ты в каком часу вчера приехал? – спросила она.

– Поздно. – Он пожал плечами. – Во втором часу. После смены мы выпили пива.

– Хорошо выспался?

– Уж как есть, – отшутился он. – Не очень, но ладно.

Сколько часов он спал? Шесть, может быть, семь часов непрерывного ночного сна. Несмотря на это, он все еще выглядел усталым, с залегшими под глазами тенями. Кейт подумала, что это могло быть естественной бледностью профессионального повара, проводящего все время в помещении. Он спал в свободной комнате, которая, видимо, свободной больше не была. Теперь это стала его комната, а другая, их спальня, теперь оказалась комнатой Кейт – Кейт и их сына. На кровати Тома скопилась одежда, поскольку Том спал с Кейт. Так было легче из-за его частых ночных пробуждений.

Он снова повернулся к кофейнику и взял его за горлышко.

– Сегодня с самого утра, – сообщил он. – Готовлю ланч.

Сэм был су-шефом в ресторане в центре города. «До от-

крытия ресторана в Лондоне еще лет десять. – Кейт слышала, как он сказал это по телефону своему другу из Хакни. – Но ничего, ты понимаешь... мало-помалу».

Сэм почти открыл свое заведение в Хакни-Уик до того, как взлетели цены на аренду. До того, как Кейт забеременела. До того, как они переехали сюда.

– Ты постирала мне униформу?

Кейт огляделась и увидела в углу кучу, лежавшую там уже три дня.

– Я специально оставил ее на видном месте, чтобы ты заметила.

Сэм подошел к куче и вытащил из нее наименее испачканную.

– Чем ты сегодня будешь заниматься?

За окном морось сгущалась в дождь.

– Уборкой, вероятно. Потом разберу покупки.

– А что насчет того садика, о котором говорила мама? – он показал на ярко раскрашенный флаер на холодильнике, который на днях принесла Эллис. Эллис, мать Сэма, с озабоченным лицом и поджатыми губами. Прелестная женщина. Мегамозг. Эллис, инициатор покупки дома в Кентербери. Эллис – их спасительница. Эллис, с ключом от их милого маленького домика, где она любила появляться без предупреждения.

– Да, – сказала Кейт. – Возможно, согласимся.

– И у нас сегодня вечером встреча, – добавил Сэм, на-

правляясь к холодильнику за молоком. – Не забудь. У Марка и Тамсин.

– Я ничего не забыла.

– Я заеду за тобой, хорошо?

– Конечно.

– И Кейт...

– Да?

– Постарайся выбраться сегодня, ладно? Сходи с Томом на улицу.

– Уже ходила, пока ты спал. Покупала подгузники и еду.

– Я имею в виду, не в магазин, а на улицу.

– Отстань, – почти беззвучно ответила она себе под нос.

Сэм внимательно оглядел кухню.

– Знаешь, – заметил он, беря кухонное полотенце и вытирая стойку. – Нет ничего сложного в том, чтобы в конце дня все прибрать. А потом ты просто делаешь то, что делают все повара. Кладешь полотенце в стирку вместе с моими белыми вещами. А где корзина для белья?

Она посмотрела на него:

– Не помню.

– Тебе просто необходима система, – сказал Сэм. – Система – это твое спасение.

Он положил тряпку сбоку, наклонился и, сняв Тома с высокого стула, поднял его над головой. Ребенок завизжал от восторга и начал пинать воздух. Мгновение спустя Сэм возвратил его обратно и положил руку на плечо Кейт. Налил из

кофейника заварки, долил воды.

– Я устал, – сказал он, ни к кому не обращаясь.

– Да, – ответила Кейт. – Я тоже.

Лисса

В Грин-рум на Уордур-стрит проходило так много кастингов, что, кажется, их было не сосчитать. Молодая секретарша в платье с блестками даже не подняла голову, когда Лисса назвала свое имя.

– Лисса Дэйн. Извините, я немного...

– Все в порядке. Организаторы сами все равно опаздывают.

Лисса заметила галочку напротив ее имени в длинном списке, лежащем на столе. Рядом лежали блокнот и бейджик.

– Садитесь. Заполните ваши анкетные данные.

Лисса кивнула, она знала, что делать дальше. Быстрый взгляд вокруг – четверо мужчин, две женщины, обоим за тридцать, одна брюнетка, другая рыжеволосая. Эта рыжая говорила по телефону. Лисса хорошо слышала ее тихий, напряженно-извиняющийся голос: «Нет, нет, я помню, что говорила утром в половине восьмого, но они опаздывают. Я ни в чем не уверена. Может быть, еще полчаса. А может, и больше. Ты не против? Я могу потом прийти и забрать его у вас. О боже, спасибо, я в долгу перед тобой, спасибо, спасибо».

Женщина коснулась экрана смартфона и поймала взгляд Лиссы.

– Сорок гребаных минут, – услышала она ее яростный ше-

пот.

Лисса из вежливости сделала сочувственное лицо. Не очень хорошо, но у нее бывало и похуже. Однажды она ждала прослушивания почти два часа. Но ведь у нее нет детей-школьников. Она бросила взгляд на листок, который держала в руках.

Родительское собрание, учитель и оба родителя, обеспокоенные поведением сына.

В верхней части она увидела название известной марки шоколадного печенья. Мужчина напротив Лиссы что-то старательно помечал и выделял на своем листке бумаги. Она перевернула страницу и начала заполнять свои данные.

Рост. 174 см.

Вес. Лисса прервалась, не в силах вспомнить, когда она в последний раз взвешивалась. Шестьдесят? Обычно она ставила в эту графу шестьдесят килограммов. Она записала эту цифру в блокнот.

Талия. 76 см.

Бедра. 97 см.

Если даже в наше время и ценилась правда, то не стоило раскладывать ее на такие... анатомические подробности. Как давно уже ей не подошло что-то с первого раза. Она не

врала о своем весе, скорее, была... не точно. На кастинге в Берлине все вскрылось. Лисса не забыла ту старую квартиру с сотнями японских бумажных фонариков, художника по костюмам в агентстве в Кройцберге. Ассистент приносил ей наряд за нарядом, ни один из которых не соответствовал тем меркам, которые она указала на кастинге в Лондоне месяц назад, а вертлявый дизайнер суетился вокруг нее, неодобрительно замечая: «Ты выглядишь такой толстой ...»

В конце концов ей пришлось одолжить брюки у ассистента по костюмам. Дело кончилось тем, что ее вырезали из рекламы при монтаже.

Она вспомнила слова Ханны прошлой ночью. «Шоу одной женщины. Режиссеры, отвергнувшие меня...» Забавно, конечно, но все-таки обидно. Она сама о Ханне так бы шутить не стала. Как насчет «я столько раз пробовала ЭКО и каждый раз безрезультатно»? Разве это не было бы весело?

Но, конечно, это не выдерживало критики просто потому, что ничто не сравнится с болью Ханны.

Появился кастинг-директор, и атмосфера оживилась.

– Извините, ребята. Немного опоздал.

Он был загорелым, крупным, склонным к полноте мужчиной с лицом самодовольного ребенка. Но Лисса пересилила себя и улыбнулась, строя глазки.

Рыжеволосая женщина встала, и Лисса готова была поклясться, что видит, как та прячет ярость на лице за фальшивой улыбкой.

Она бросила взгляд на телефон. По-прежнему никаких новостей с прослушивания по Чехову. Само по себе ожидание ничего не значило, новостей можно было ждать неделями, а потом обрадоваться, но надежда уже начала угасать. К завтрашнему дню, если она все еще ничего не услышит от агента, то будет дерганой, а к выходным и сломленной эмоционально. К началу следующей недели у нее все будет валиться из рук. Со временем вместо того, чтобы стать толстокожей, она сделалась еще более ранимой.

Лисса пропустила пункты относительно размера шляпы и перчаток. Иногда ей казалось, что формы этих дамских аксессуаров не изменились с 1950-х годов. Указала в соответствующей графе размер обуви и вернула анкету девушке за столом.

Когда секретарша встала, Лисса увидела, какая она высокая. Худоба подчеркивалась черным платьем. Она взяла лежащий перед ней полароид и лениво махнула в сторону пустой стены.

Лисса видела, как смотрели на нее другие женщины, когда она пошла к освещенному пятачку у кирпичной стены, как оценивали ее фигуру, одежду, искали следы морщин и нездоровый цвет лица.

Раньше на такие пробы она не ходила.

Когда она только окончила театральную школу, ее новый агент встретила ее в йоговской асане, пробежалась по своему впечатляющему списку клиентов и сказала, что в рекламе

она сниматься не будет, если только сама очень не захочет.

– А если и так, – сказала ее новый агент, – то это будут только европейские ролики. Мы же не хотим, чтобы ты при-
мелькалась здесь.

Они обе рассмеялись. Это было тогда, когда она ходила на пробы трех фильмов в неделю. Когда директор по кастингу делал так, чтобы актеры, претендующие на одну роль, не пересекались на прослушивании. Когда она ждала своей очереди, сжимая сценарий, напряженная, готовая к бою. Когда кастинг-директор вскакивал, когда она заходила, и первым протягивал руку, говоря: «Большое спасибо, что пришли».

Полароид шелкнул и зажужжал.

– Спасибо, – сказала молодая женщина. – Садитесь.

Вместо этого Лисса прошла вдоль очереди в уборную, чтобы проверить макияж. В зеркале она увидела, что тушь потекла, оставив под глазами разводы. Черт! Она потеряла их большим пальцем. Неважно, как тщательно ты готовишься, что-то обязательно пойдет не так.

– Ты просто должна сыграть по правилам, Лисса, – вздохнула однажды по телефону помощница ее агента, когда Лисса отказалась купить пуш-ап для очередных проб. – И ты это знаешь. Они сказали, что им нужны большие сиськи.

Пуш-ап был упомянут и тогда, когда агент отказалась от нее по телефону.

Лисса вернулась в зал ожидания, прошла мимо актеров, села и закрыла глаза.

Она попыталась.

Когда третий десяток лет сменился четвертым, она действительно попыталась сыграть по правилам. От нее отказались три агента, каждый последующий был менее известным, чем предыдущий. Она дошла от «никогда не буду сниматься в рекламе» до того, что снималась только там.

«Пожалуйста. Дайте мне работу. Любую работу. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста».

Как та передача, которую ее мать смотрела в восьмидесятых. «ГИС – это работа. ГИС – это работа ⁶».

– Лисса. Род. Даниэль.

Она открыла глаза. Ее очередь. Она прошла в темную комнату, где на диване сидели двое мужчин, лениво посматривая в телефоны. Воздух был спертый, стол перед ними завален кофейными чашками, недоеденными суши и электронными сигаретами. Никто из них не оторвал взгляд от экрана.

Она заняла свое место, уже размеченное на полу. Камера заскользила вверх и вниз по ее телу. Она представилась и назвала имя своего агента. По просьбе режиссера повернулась налево, затем направо и показала на камеру свои руки.

Когда вошедшие с ней двое мужчин сделали то же самое, директор по кастингу хлопнул в ладоши.

– Ладно, Лисса, ты – мама, Род, ты – отец. Дэн, ты играешь

⁶ GIS/RS job – один из самых посещаемых сайтов англоязычного интернета по подбору рабочих мест.

роль учителя.

Дэн утвердительно кивнул. Лисса поняла, что он успел прочитать сценарий вчера, и пришел в пиджаке и галстуке.

– Лисса, Род, садитесь сюда, – директор по кастингу указал на стулья за столом. – А ты, Дэн, садись здесь, с другой стороны. Вот печенье.

Лисса бросила взгляд туда, где на табуретке стояла тарелка с печеньем, чуждо смотревшаяся в затхлой атмосфере студии.

– Текста нет, так что будем просто импровизировать.

Один из мужчин на диване бросил быстрый взгляд на монитор, потом снова на телефон, и Дэн начал разговор.

– Так... Э-э, миссис... Лейси, мистер... Лейси, я немного беспокоюсь о... Джоше. – Он откинулся назад, явно довольный этой первой фразой.

– О... что такое? – актер рядом с Лиссой подался вперед. Он был в некотором роде красив. Лисса видела, как напряглись его мышцы под хлопчатобумажной рубашкой.

– Посмотрите на меня, – донеслось откуда-то сверху.

Лисса удивленно подняла взгляд – туда, где директор по кастингу читал сценарий грубым баритоном.

– Печенье, – напомнил ей директор по кастингу, отводя взгляд, – я – голос печенья. Смотри на печенье, а не на меня.

– О... – проговорила она. – Хорошо.

– Посмотри на меня, – снова произнес он.

Она послушно посмотрела на печенье.

– Ты же знаешь, что хочешь печеньку? Да, вот так. Придвинься ближе к тарелке.

Лисса неуверенно наклонилась вперед.

– Да, – голос ведущего понизился еще на пол-октавы.

«Он что, переходит на американский акцент? Он говорит как Барри Уайт».

Мужчины на диване подняли головы. Она увидела на мониторе крупный план своего лица – красные щеки и растерянное выражение лица.

– Да, – пробормотал ведущий кастинга еще тише. Он тоже смотрел на монитор и явно чего-то ждал.

Тишина.

– Продолжайте, – сказал он обычным голосом.

– Что, простите? – спросила Лисса, чувствуя, как по спине струится пот. – Я немного запуталась.

– Ты должна их взять их в рот, – нетерпеливо проговорил Дэн. – В сценарии было сказано, что ты должна засунуть себе в рот печенье. – Он показал ей текст.

– Тут написано, что ты не можешь сосредоточиться на учителе, – сказал он, и на мгновение по его лицу скользнула улыбка. – На том, что говорит учитель. Причина? Ты просто ничего не можешь с собой поделать.

– Ах. – Она облизала верхнюю губу. – Верно, я вижу.

Теперь на нее смотрели все мужчины в студии: два актера, режиссер, оператор, мужчины за столом. Один из них что-то пометил на листке бумаги. Другой прочитал запись, одобри-

тельно кивнул и снова уставился в телефон.

– Лисса, вы читали краткое содержание сценария? – со вздохом спросил кастинг-директор.

– Очевидно, недостаточно внимательно.

– Явно нет. – Он бросил извиняющийся взгляд на диван. – Попробуем снова? И еще, Лисса, в этот раз пофлиртуйте с печеньем.

Оксфорд-стрит – это какое-то сборище любителей поесть. Вход в подземку призывно сияет огнями, но она проходит мимо. Она не хочет идти вниз, только не домой.

К черту это печенье.

К черту этого жирного кастинг-директора с его тремя отпусками в году. К черту этих двух режиссеров, уткнувшихся в телефон как скучающие подростки. К черту оператора, который скользит камерой по твоему телу медленнее, чем по телу мужчины. К черту сценаристов этих гребаных рекламных роликов. «Ты просто ничего не можешь с собой поделать». К черту продюсеров этого дерьма.

Не думая, она направилась на северо-восток, вышла на Гудж-стрит, свернула на Тоттенхэм-Корт-роуд, потом на Ченис-стрит мимо красной двери своей старой театральной школы. Теперь в Блумсбери через ворота Британского музея, дальше Рассел-сквер – «легкие» города. Она прошла через Гордон-сквер к шумной Юстон-роуд, где нырнула во двор Британской библиотеки, показала сумку охраннику, и

постояла там в вдали от суеты.

Как давно она не была в библиотеке? Она поднялась на эскалаторе на второй этаж, где люди сидели в креслах с маленькими подлокотниками, как будто сами являлись частью большой экспозиции. Чуть дальше – гуманитарные науки, читальный зал отдела редких изданий. Она толкнула тяжелую дверь. Возможно, она посидит здесь какое-то время среди старых книг, близость которых ее успокоит.

– Могу я взглянуть на ваши документы, мэм? – остановил ее охранник. – Где ваш читательский билет?

– Я не...

А позади нее кто-то уже входил. Он заметил вслух, что вещи должны быть в прозрачном пластиковом пакете, а карточка запроса с билетом должна быть наготове.

– Мэм, вам нужен читательский билет, чтобы пройти сюда, – произнес охранник, приглашая пройти мужчину позади нее.

– О, ясно, – Лисса повернулась. Да, мир полон шипов.

– Лисса? Лисс?

Она не сразу его узнала.

– Нэйт!

Он коснулся ее руки.

– Что ты здесь делаешь?

– Я...

«Действительно, а что я здесь делаю?»

– Решила кое-что почитать, – ответила она.

– Что же?

– Мда... то есть подумывала об этом. Но меня сюда не выпускают.

– Они здесь такие, – улыбнулся Нэйт. – Послушай, – он жестом указал на переполненный ресторан. – Не желаешь чашечку кофе?

– Пожалуй, да.

Пока они стояли в очереди, она разглядывала толпу. Там были люди всех возрастов. Зажав под мышками сумки с ноутбуками, они стучали по экранам смартфонов и по кнопкам телефонов, все с одинаковыми прозрачными пакетами. Она заказала кофе и смотрела, как Нэйтан берет себе капучино, двойную порцию. Лисса думала о Ханне – ни кофе, ни выпивки уже много лет подряд. Раньше она по привычке еще размахивала бутылкой вина перед ее носом: «Давай, Хан, немного не повредит». Но теперь она научилась этого не делать. Сколько лет они уже пытаются завести ребенка? Четыре? Пять? Она сбилась со счета.

В первые разы, когда Ханна и Нэйтан только начали пробовать ЭКО, ничего не получалось. Лисса не забыла, как однажды вечером она застала Ханну заплаканной и услышала от нее тогда: «Но я же много работала. Я так много работала всю свою жизнь». Лисса тогда сказала в ответ что-то жалкое типа «конечно, все получится, не может не получиться, это же вы». Как будто Вселенной не наплевать, что ты руководитель всемирной благотворительной организации, работаешь

на полную катушку, платишь налоги, замужем за прекрасным человеком, профессором в ведущем лондонском университете, и поднимала руку раньше всех в классе. Вместо этого она хотела сказать: «Плохие вещи случаются с хорошими людьми постоянно. Каждый день. Ты вообще смотришь новости?»

– Итак, – проговорил Нэйтан, пропуская Лиссу вперед, пока они пробирались к пустому столу.

– Учишься? Дипломная работа? – поинтересовался он, садясь перед ней, и она наконец увидела, какие у него усталые глаза. Но при этом он хорошо выглядел: в нем все еще оставалось что-то мальчишеское и одет он был в похожие, а может быть, и в те же самые фланелевые рубашки, что и двадцать лет назад, с закатанными до локтя рукавами. Даже волосы его почти не изменились, такие же густые и темные, подстриженные совсем коротко.

– А... да. – Она сделала глоток кофе. – Хм... фильмы.

– Фильмы?

– Да, это для... кандидатской диссертации.

– Кандидатской? Блин, осторожнее с этим. Ты уверена?

Теперь, когда она солгала, ей должно было стать хуже, но она чувствовала себя немного лучше. Почему бы и нет? Чисто теоретически, что мешает ей начать делать в жизни что-то другое? Почему бы не изменить свою жизнь?

– Ханна не упоминала об этом, – продолжил Нэйтан.

– Конечно, ведь это совершенно новая идея.

– Так Расскажи мне, – сказал Нэйт, перехватывая ее взгляд.

– Хм, – начала Лисса, размешивая сахар в кофе. – Это своего рода... феминистическая оценка фильмов, снятых в наши дни, в семидесятые годы, в сороковые годы с использованием, ну, ты знаешь, теста Бекдел. Сравнение ролей для женщин. Как они изменились. «Все о Еве», «Телесеть»...

– «Телесеть»... Это не тот фильм, где герой умирает прямо во время эфира?

– Да, да! Но Фэй Данауэй сыграла в нем невероятную женщину, совершенно свирепую. И все эти фильмы сороковых, типа «женские», – Лисса изобразила руками кавычки, – были на самом деле очень хороши. Бетт Дэвис, Кэтрин Хепберн...

– «Осенняя соната», – проговорил Нэйтан.

– Чье это?

– Бергмана. Ты не знаешь этого фильма? Seriously? Лив Ульман, Ингрид Бергман – две невероятные женщины. Слово «неистовство» даже близко не описывает отношения матери и дочери. Мне потребовалась встреча с психологом после того фильма.

– Я посмотрю, – ответила Лисса с улыбкой. – Спасибо.

Она взяла у Нэйтана ручку и нацарапала название этого фильма на тыльной стороне ладони.

– Эй, – остановил ее Нэйт, улыбаясь. – Может быть, стоит купить блокнот во имя академической карьеры?

– Да, – сказала она, возвращая ему ручку. – Может, и стоит.

– Как дела с ролями?

– Как обычно. – Она пожала плечами. – Ужасно. Унизительно. Спроси меня об этом как-нибудь в другой раз.

– Неужели? Я думал, все идет отлично. Ты же играла Шекспира. И, кстати, была великолепна.

– Это было три года назад, Нэйт. «Король Лир» на задворках паба в Пекхэме. Двести долларов в неделю плюс расходы. А как приходилось орать, когда в баре транслировали скачки!

– Ты больше не работаешь в пабах? – спросил Нэйтан.

Она отодвинула чашку.

– Работаю посменно в колл-центре. И еще я стала моделью.

– Стала? Господи, когда? Ты и так была моделью, когда мы познакомились.

– Все не так уж плохо. Это хорошие благотворительные организации. С карьерой модели у меня все в порядке. Я работаю в одном из составов Slade ⁷. Могло быть и хуже, – сказала она, чувствуя, что ужас, написанный у него на лице, неприятно уколол ее.

– Да, но наверняка есть что-то еще. Ты же такая умная.

– Спасибо, конечно, но не так-то просто найти работу на полставки, которая позволит мне срываться на прослушива-

⁷ Slade – британская рок-группа, одна из лидеров глэм-рока начала 1970-х.

ния по первому звонку.

Нэйт кивнул.

– А как насчет тебя, Нэйт?

– Что ты имеешь в виду?

– Как у тебя дела?

– А, нормально, – ответил он. – Перегружен делами, платят немного, тону в административных обязанностях. Но ты же знаешь, как мы, преподаватели, любим прибедняться и стонать о своей жизни?

«Я не это имею в виду. Я имею в виду детей. Столько жить без детей! Как ты с этим справляешься?» – подумала она.

Когда они уже прощались, у нее зазвонил телефон. Ее агент. Лисса помахала рукой Нэйтану и ответила на звонок.

– Лисса?

Уже по тону она поняла, что впереди хорошая новость.

– Да? – она попыталась скрыть нетерпение, сквозившее в ее голосе.

– Они хотят видеть тебя в Чехове. Ты в деле.

Кейт

Сэм был за рулем. Они ехали на запад Лондона мимо террас и магазинчиков «Все по фунту» в Уинчипе, где город окончательно превращается в ленты дорог, ведущих к побережью. Они опаздывали. Когда Сэм вернулся с работы, Кейт с Томом уже спали, растянувшись на кровати. Теперь Том кивал своей маленькой головкой в такт движению автомобиля, с интересом поглядывая на Эшфорд-роуд и мелькающие за окном небольшие садики и промышленные территории с игровыми зонами, автомобильными дилершипами и чахлыми деревьями.

На Кейт была самая приличная блузка, какую она смогла найти, и старые джинсы для беременных с огромным черным поясом. Сверху был накинута старый кардиган. Она могла бы одеться лучше. Она и должна была одеться лучше.

– А кто-нибудь еще там будет?

– Не думаю. Только Тамсин и Марк.

– Как у Марка дела?

– У него своя компания. Что-то связанное с сельскохозяйственной техникой, и он очень хорошо справляется, – уверенно заявил Сэм и многозначительно повернулся к ней. – И знаешь, он мог бы вложить деньги в наш ресторан. Деньги у него есть. Мы говорили об этом много лет назад.

Кейт попыталась вспомнить лицо Марка, но поняла, что

не может его даже представить. Она видела его лишь единожды, когда они с женой приезжали посмотреть дом. Но тогда для нее все было как в тумане.

— Как давно они женаты?

— Как будто бы всегда. Они вместе учились в школе. — Сэм посмотрел на нее, слегка поджав губы. — Они прекрасные люди. Точно говорю. Просто держись подальше от политики, и все будет хорошо.

Они свернули на проселочную дорогу с большими домами по обеим сторонам, проехали мимо огромных фруктовых магазинов. На подъездной дорожке стоял черный «Ленд Ровер Дефендер». Сэм припарковался рядом и вынес из машины уснувшего Тома. В ответ на звонок раздались тявканье собак, дробь когтей по полу и, наконец, шаги.

— Извини, что опоздали, — сказал Сэм, когда его сестра открыла дверь. — Нам нужно было одеть Тома. Да еще эти пробки.

На Тамсин были джинсы, туфли на каблуках и серый джемпер. Блестки покрывали ее плечи, совсем как сосульки. Она быстро обняла гостей, обдав их аппетитными ароматами, и повела на кухню. Кейт плотнее закуталась в кардиган, пока Сэм устраивал Тома в автомобильном кресле за столом. Над столом висели три больших черных светильника, а на стене красовались три большие деревянные буквы — «е ш ь», как будто без них Марк, Тамсин и двое их детей могли забыть, для чего предназначалась эта часть их квар-

тиры-студии.

– Они пришли! – крикнула Тамсин, и тотчас же из другой комнаты к гостям вышел ее муж. Его рубашка плотно облегла мускулистое тело, словно он только что сошел с билборда, олицетворяя собой успех. Марк обнял Кейт и пожал руку Сэму. На его запястье красовались тяжелые, солидные часы.

– Не хотите чего-нибудь выпить? – поинтересовалась Тамсин и повела Кейт в сторону кресла. – Газировки?

– Вообще-то, – ответила Кейт, – я бы выпила вина. Красного, если можно.

Кейт показалось, что ее голос прозвучал немного странно. С утра она почти не говорила, и это были, наверное, ее первые слова за сегодня.

– Я бы выпила немного красного вина, – повторила она, придавая каждому слогу особый вес, как будто говорила на новом для нее языке.

– Марк! – крикнул Тамсин. – Стакан красного для Кейт.

– Иду. – Подойдя к огромному кухонному столу, Марк плеснул вино в бокал. В тот момент он был похож на гробовщика, торгующего кровью.

– Держи, – произнес Марк, поднося бокал и ставя его перед ней на стеклянный столик. – От него твои бледные щеки хотя бы покроются румянцем.

И рассмеялся. Ему вторили Тамсин и даже Сэм. Кейт тоже засмеялась, хотя была не вполне уверена, над чем именно. И Тамсин, и Марк сильно загорели. Только теперь Кейт

вспомнила, как Сэм рассказывал ей, что они недавно ездили отдыхать. Что ж, она может расспросить об этом позже, когда иссякнут темы для разговора.

– Закуски, – торжественно объявила Тамсин, поднимая тарелку, на которой в голубоватом свете поблескивали мясо, сыр и оливки.

Кейт взяла оливку, положила ее в рот и перекатила на языке, наслаждаясь соленым привкусом. Снаружи был большой сад, виднелась красивая лужайка, а за ней – холмы, холмы, между которыми протекала река. Это река Большой Стаур – та же самая, которая текла и за их домом. Кейт знала это, потому что они ходили туда вместе – она, Сэм, Тамсин и Марк. Когда они в первый раз спустились вниз, чтобы лучше рассмотреть местность, дорога провела их по переулку мимо оптовых баз, мимо домиков сборщиков фруктов с нарисованными краской цифрами по бокам. Там же были мишени для дартса, на походных стульях сидели матери с младенцами на коленях, настороженно наблюдая за ними. Громко играло радио и слышались звуки русской речи, дальше шел сад, который представлял собой ряды деревьев. Кейт помнила, что тогда стояло лето, деревья в ее памяти остались какими-то замученными, опирающимися на проволоку, их ветви, как руки, тянулись вверх с мольбой, признавая поражение. Значит, в Англии были и такие сады. «Это не фруктовый сад, – хотелось сказать ей тогда, – это заводская ферма».

– Ну и как прошел твой отпуск? – спросила она Тамсин.

– Потрясающе, – ответил Тамсин. – Мы были в Турции. Все включено. Детям очень понравилось. От завтрака до ужина они гуляли и бегали везде, где только можно.

– Где же они?

Кейт вдруг пришла в голову ужасная мысль, что детей где-то оставили, забыли.

– Спрятались.

Тамсин кивнула на полуоткрытую дверь и Кейт увидела их сына Джека и дочь Милли. Их замороженные лица, освещенные синим экраном телевизора.

– Ты просто обязана поехать с нами на следующий год, – заговорила Тамсин. – Мы должны поехать отдыхать все вместе – вы и мы. Мы могли бы взять с собой и Эллис, устроить большой семейный праздник. Подождите, или в Дубай на Рождество?

Она захлопала в ладоши:

– Марк! Ну скажи им. Скажи им, что они должны поехать с нами в Дубай.

– Тебе действительно стоит слетать в Дубай, – заверил Марк Кейт, снисходительно улыбаясь жене. – Мы ездим туда каждый год. Я немного поработаю, а потом мы проведем неделю в *Атлантисе*⁸. Ты там была?

Марк нашел фотографии на телефоне, и все собрались вокруг него. Кейт увидела огромное здание из розового камня,

⁸ Курорт Atlantis – одно из мест пляжного, активного и семейного отдыха в Дубае.

полоску песка и океан за ней.

– Это искусственный остров, – пояснил Марк. – Там есть все – рестораны Гордона Рамзи, аквапарк. Дети просто сходят от него с ума.

Марк в этот момент выглядел ужасно уязвимым в своем высокомерии.

– Атлантис? – переспросила Кейт.

– Да, – кивнул Марк.

– Разве Атлантис⁹ не исчезла во время Всемирного потопы, большого наводнения?

– Какого наводнения? – Тамсин выглядела озадаченной.

– Библейского.

– Спасибо, – торопливо проговорил Сэм. – Но думаю, мы не сможем поехать в этом году. Может быть, в следующем.

Кейт посмотрела туда, где лежал Том. Он выглядит таким крошечным, уязвимым, как маленькое суденышко из полированного дуба, плывущее по морю. Он лежал совсем неподвижно.

– Извините. – Она быстро встала, подошла к малышу и осторожно положила ему руку на лицо, прикрыв носик. Под пальцами она почувствовала его тихое дыхание. А снаружи, за стеклянными дверями, склон холма уже догорал красновато-коричневыми красками в последних лучах дневного света. Газон, скошенный с точностью до миллиметра, навес

⁹ Игра слов: в англ. яз. Atlantis переводится и как курорт Атлантис, и как мифический затонувший остров Атлантида.

для машины, ленд ровер, квадроцикл. Техника дремала, готовая в любую минуту исполнить любое желание хозяина.

Когда Тамсин подошла к Кейт, та хорошо разглядела, как ее лицо, тронутое светло-розовой пудрой, блестело в свете ламп.

– Ну разве они не прекрасны, когда спят? – риторически поинтересовалась Тамсин и тут же переключилась: – Ну и как вам дом?

– О, бесподобно, просто замечательно.

– Когда же ты пригласишь нас к себе?

– Скоро. Как только распакуем вещи.

Тамсин рассмеялась:

– Ты шутишь?! Вы еще не распаковались?

– Осталось еще несколько коробок.

Рука Тамсин легла на руку Кейт.

– Ты выглядишь усталой, – сказала Тамсин. – Сэм говорит, вы спите вместе? – ее голос упал до шепота. – Ты и Том. В одной постели. Ты уверена, что это хорошая идея?

– Просто так проще. И для ночного кормления, и вообще. Ну ты знаешь.

– Тебе надо с этим заканчивать. Твой ребенок уже большой, отучай его от груди. Знаешь что? Тебе нужно немного отдохнуть. Хотя бы один день в неделю. А Эллис посидит с Томом. Она уж очень хочет провести какое-то время с ним. А ты поддержи Сэма!

Кейт посмотрела туда, где стоял Сэм, погруженный в раз-

говор с Марком. Ноги расставлены шире, чем обычно, грудь развернута, пиво крепко прижато к груди. Его поза говорила сама за себя.

– Сэм! У Кейт будет выходной! Я все устрою. Эллис умирает от желания помочь.

* * *

Когда они вернулись, уже совсем стемнело. Том спал и даже не проснулся, когда Кейт поднимала его с сиденья машины и укладывала в свою постель. Она спустилась в гостиную, где на диване лежал Сэм, уставившийся в компьютер. Когда Кейт зашла, он снял наушники и взял кружку с пивом.

– Будешь?

Она кивнула, и он освободил ей место на диване.

– Все было не так уж и плохо, правда?

– Зачем ты рассказал своей сестре, что Том спит со мной?

– Ты знаешь, зачем!

– А тебе что, это не нравится?

– Ну я бы предпочел, чтобы ты делила постель со мной.

Она рассмеялась, не в силах сдержаться. Эта мысль показалась ей слишком абсурдной.

– Я волнуюсь о тебе, Кейт.

Он выглядел искренне обеспокоенным. Но, возможно, это было не беспокойством, а разочарованием сродни тому, как купил что-то в интернете, а потом, когда гарантия закончи-

лась, понял, что у покупки куча скрытых дефектов.

– Ты просил Тамсин договориться, чтобы ваша мать пришла во вторник?

Сэму не нужно было и рот раскрывать. Выражение его лица говорило само за себя.

– А тебе не пришло в голову сначала спросить меня?

– Мне показалось, это пойдет тебе на пользу. Думал, ты почувствуешь облегчение.

– А я думаю, что ты мог быть настолько любезен, чтобы посоветоваться со мной, прежде чем устраивать мою жизнь.

– Ладно, ладно. Я просто пытаюсь помочь. Я думал, это как раз то, что нужно матерям.

– Это не помощь, а настоящая подстава.

– Господи Иисусе, Кейт, – Сэм воздел руки вверх.

Кейт встала и пошла на кухню, чувствуя, что не может сдержать дрожь. Она оглядела гостиную, чувствуя на своей спине взгляд Сэма. Впрочем, он уже включил какую-то компьютерную игру или что-то в этом роде и был уже в наушниках.

Так обычно проходили их вечера. Вялое подшучивание друг над другом, а потом снова каждый утыкался в свой ноутбук по разным углам. Если ей везло, то ей доставался диван. Потом они ложились спать. И каждый раз в разных постелях. Снова и снова.

У нее завибрировал телефон. Это было сообщение от Ханны.

Ханна. Она была как часы и компас одновременно – по ней можно было жизнь сверять. Кейт коснулась экрана и перезвонила ей.

– Кейт?

– Да.

– Как дела? Я тебе звонила.

– Извини. Я была...

«А действительно, где я была?» – она не знала, что ей ответить.

– Как там Кентербери?

– Смешно, – ответила Кейт.

– Насколько смешно?

– Понятия не имею.

Кейт подумала: а действительно, насколько смешно? Но так и не смогла придумать ответную хохму. Помолчав, она продолжила:

– Мы были у сестры Сэма. Они хотят свозить нас в Дубай.

– Звучит здорово.

– Серьезно?

– Я думала, ты к этому привыкла. Хотя нет, к такому быстро не привыкаешь.

Кейт в ответ промолчала.

– Как поживает мой крестник?

– Хорошо, спит все время.

В повисшей тишине Кейт отчетливо услышала странный звук. Это был стук клавиш на компьютере Ханна – она дела-

ла две вещи одновременно. Огромный мир вокруг нее снова завертелся, зовя ее обратно.

– Хан? – осторожно начала Кейт.

– Просто ищу одно письмо в рабочей почте. Надо отправить.

– Ты не хочешь встретиться? В следующие выходные? Может, в субботу? Я могу взять с собой Тома. Мы можем поехать в Хит¹⁰? Я не бывала там с тех пор, как мы уехали оттуда. Том так быстро растет...

– В субботу?

Кейт приготовилась было к отказу, но потом услышала:

– Дай-ка я проверю... да. Почему бы и нет?

Ханна была не против встречи.

Кейт, попрощавшись, повесила трубку и подошла к окну. Прошло шесть недель с тех пор, как она переехала в Кент. Чайки спали на остроконечных крышах домов напротив. Какой-то мужчина вылезал из машины. Возможно, тот самый человек за стеной, чей сон каждую ночь нарушает Том.

Мужчина скользнул взглядом по Кейт. Она подняла руку и увидела, что он пристально смотрит на нее. Темная фигура в окне. Но спустя мгновение незнакомец отвел взгляд.

¹⁰ Хампстед-хит (*Hampstead Heath*) – лесопарковая зона на севере Лондона площадью 320 га.

Протесты

Апрель 1995 года

Курс называется «Феминизм». Зал был скорее пуст, чем полон. В массовой культуре считается, что феминизм уже сделал свое дело. В 90-е наступило время «ладетток». С обложек бульварных газет смотрели Зои Болл и Сара Кокс, пьющие пиво. Самая популярная группа – *Spice Girls*. Время женщин в самом разгаре.

Лисса, дочь феминистки, считала само собой разумеющимся, что сама она тоже феминистка, что казалось весьма спорным утверждением. Она выбрала феминизм, потому что альтернативой был только курс по научной фантастике.

Список для чтения был устрашающим и в основном состоял из иностранной литературы. Но, готовясь к курсу, Лисса ничего из него не читала, ведь никто толком не прочитывает списки на кафедре английского языка. Вы просто по диагонали просматриваете книги в течение недели, а в конце каждой – пишете о них. Это, по мнению Лиссы, было главным, чему учат в университете – искусству убедительно врать. Чем лучше университет, тем лучше там этому учат. Она довольно часто излагала эту теорию в постели своего нового бойфренда, наркоторговца из Манчестера, владевшего таунхаусом в Рушольме. Он одевался как Лиам Галлахер, и часто носил парку. Смуглый, забавный, умный, он был са-

мым сексуальным из всех, кого она когда-либо видела.

В передней части комнаты сидела девушка с длинными волосами, почти скрывавшими ее лицо, маленькая фигурка утоплена в мешковатом джемпере, манжеты спущены на большие пальцы. Длинная лоскутная юбка, мартинсы, жирно подведенные глаза. Бунтарка из пригорода, одна из тех инди-детей, которые тусуются субботними ночами в Манчестере. Они должны были вместе сделать доклад по Кристевой и ее эссе «Отвращение». Девушку звали Ханной. Не прочитав эссе, Лисса понятия не имела, о чем писать.

– Не зайдешь ко мне? – спросила Лисса Ханну. – Завтра? В три часа?

Ханна появилась в комнате Лиссы ровно в три, держа в руках несколько увесистых книг. Уже войдя в комнату, она вежливо постучала в дверь и привычно натянула манжеты свитера на обкусанные ногти. Ханна до сих пор не смогла освоиться в университетском обществе. Поступая в университет, она рассчитывала увидеть совсем иное. Она поехала в Манчестер только потому, что не поступила в Оксфорд, а второй университет, который был у нее на примете – в Эдинбурге, – оказался переполнен. И вот она училась здесь, в университете номер три, но жила все еще дома в Бернаже. Так получалось дешевле, поскольку не приходилось платить за общежитие, да и ее родители были этому рады. Ханна старательно делала вид, что ей нравится ездить, но на самом деле заводилась от одной мысли об этом. Еще она закипала от

злости, потому что на экзаменах в Оксфорде она не ответила на вопрос о «Короле Лире» Шекспира. Она злилась, потому что ее лучшая подруга Кейт в Оксфорд прошла и, вероятно, прямо сейчас едет на велосипеде по какой-нибудь красивой улице к красивой библиотеке, словом – она на пути к лучшей жизни. Ее бесило это, потому что ей не удалось поступить куда-нибудь подальше от дома, а так хотелось. Она просто закипала от ярости из-за того, что в UCAS¹¹ действовала такая дурацкая и сложная система. Закипала от осознания, что город, в котором она прожила всю жизнь, переполнен привилегированными студентами. В последние девять месяцев она работала барменом в студенческом буфете и, естественно, многое видела. «Забудьте о феминизме» – она могла бы написать диссертацию с таким названием. Она видела выпускников частных школ. Они носили рубашки с поднятыми воротниками, активно занимались спортом и сбивались в шумные компании. Ребятам из общеобразовательных школ, которые сидели отдельно, но пасли богатеев и пили с ними на спор пиво в барах. Неудачники, демонстрировавшие свою породу как значок на груди, подавая сигнал другим неудачникам, сбиваясь в стаи. Еще были такие, как эта блондинка, к которой она сейчас пришла в комнату. Определить тип последних было тяжелее всего. А Ханна любила все классифи-

¹¹ Universities and Colleges Admissions Service (UCAS) – британская организация, основная роль которой заключается в урегулировании учебных процессов в британских университетах. Она функционирует как независимый фонд, спонсируемый за счет отчислений студентов и самих университетов.

цировать. Она видела, что эта девушка красиво говорила, но не всегда так себя вела. Ханна никогда не видела ее в студенческом союзе. Она была привлекательной, но небрежной. На утренних семинарах, например, у нее на лице часто был заметен вчерашний макияж. Кончики ее указательного и среднего пальцев были окрашены в желтый цвет, что говорило о ее привычке курить. Кажется, она почти не расчесывала волосы. Но в этой девушке было что-то, трудно поддающееся определению, что-то, чего Ханна отчаянно хотела видеть в себе.

Девушка открыла дверь, и Ханна прошла внутрь. В комнате царил полный беспорядок. Пахло сигаретами, пепельницы тут и там были переполнены. На столе стояли недопитые стаканы с водой и пустая бутылка из-под вина. Односпальная кровать застелена индийским покрывалом. На стене висел коллаж из фотографий молодых людей с преувеличенно большими зрачками. Пока ничего необычного. Но внимание Ханны привлекла другая картина, небрежно прислоненная к стене, – картина маслом, изображавшая светловолосую девушку, свернувшуюся калачиком в кресле и читающую книгу.

– Это ты? – спросила она, присев перед портретом на корточки, чтобы лучше его разглядеть.

– Да, – небрежно ответила Лисса. – Этот портрет нарисовала мама много лет назад.

– Портрет действительно хороший, – восхитилась Ханна.

Лисса сидела на кровати, удивленно наблюдая, как темноволосая девушка берет свою тетрадь, садится за стол и открывает первую из своих книг. Какие точные у нее движения, какие острые карандаши.

Учась в манчестерском университете, Лисса все яснее осознавала, что она – дочь социалиста. Она училась в школе на севере Лондона и предпочла бы тусоваться с наркоторговцем, чем с мальчиком из государственной школы. В Манчестере было слишком много прилежных мальчиков и девочек. Но стоило только поискать – и сразу обнажалась их грязная постиндустриальная сущность. Для тех, кто, как и Лисса, считал себя поклонниками танцевальной музыки, Манчестер на том этапе своей истории был, возможно, величайшим городом на Земле.

Лисса чувствовала искреннюю заинтересованность в дружбе с этой длинноволосой девушкой из-за ее манчестерского диалекта – большой редкости в университете. Ей нравилось ее серьезное, немного сердитое лицо. Ей нравилось слушать ее споры с другими студентами в семинарской группе. Лиссе в Ханне нравилась даже ее раздражительность. И, конечно же, она была заинтересована в дружбе с ней этим весенним днем, потому что надеялась, что она поможет ей получить хорошую оценку.

– Ладно, – проговорила Ханна. – «Отвращение», так «Отвращение».

– Уже его испытываю, – пробормотала Лисса.

Ханна читала, склонив голову и накручивая локоны на палец.

«Отвращение сохраняет то, что существовало в архаизме дообъектных отношений, в том незапамятном насилии, с которым одно тело отделяется от другого с тем, чтобы обрести свое существование».

– Незапамятное насилие, – повторила Лисса. – Что это значит?

– Ну речь идет о рождении человека, – ответила Ханна. – Не так ли? И о периоде младенчества, то есть до того, как мы войдем в символический мир. Ну начнем говорить и все такое.

– Если ты так утверждаешь, – проговорила Лисса. – Вот что я тебе скажу...

Она наклонилась и достала из ящика комода небольшой пакетик с травкой. Этот пакетик ей дал сегодня утром ее парень.

Ханна почти в панике вытянула руку и показала на раскрытые книги:

– Сейчас три часа. А доклад должен быть готов к завтрашнему дню.

– Знаю, но травка может помочь.

Лисса принялась сворачивать косяк, чувствуя, как пристально Ханна смотрит на нее. Она не торопилась, наслаждаясь своим мастерством. Торжественно закончив, она распахнула окно и высунулась из него, обозревая с четвертого эта-

жа парк Оуэнс.

– Ну, понеслось, – прошептала Лисса, закуривая.

Ханна вздохнула и продолжила чтение.

«На уровне нашего индивидуального психосексуального развития отворачивание знаменует момент, когда мы отделяем себя от матери, когда мы начинаем осознавать грань между собой и ею, между собой и другими».

Лисса вдруг подумала о Саре, которая привезла ее сюда в сентябре прошлого года, о ее старом рено, набитом вещами. Лисса пригласила ее тогда пообедать в городском ресторане.

– Ну, дорогая, – сказала Сара за пудингом. – Ты ведь на таблетках, да?

Затем она вручила ей двадцать фунтов, красивый портрет самой Лиссы в возрасте восьми лет, сидящей в цветастом кресле, – и пачку табака фирмы «Drum Original». Быстрый поцелуй в щеку – и она укатила обратно в Лондон.

– ...как в настоящем театре, – продолжала читать Ханна. – *Без грима и масок, отбросы и трупы показывают мне то, что я постоянно отбрасываю, чтобы жить. Эти телесные жидкости, эта скверна и дерьмо – вот чему сопротивляется жизнь...*

– Погоди-ка, неужели так и написано?

– Да, – Ханна, улыбнувшись, подняла голову. Лисса впервые увидела ее улыбку. Она была красивой. Интересной. И даже лучше, что ее не так просто вывести. – Именно дерьмо.

В том смысле, что жизнь отбрасывает его и что оно ставит жизнь на грань смерти. Так что мы все, живые существа, находимся на границе своего существования.

– Ух ты, – отреагировала Лисса.

– Ага, – подтвердила Ханна.

Лисса выпустила облачко дыма в вечерний воздух. Где-то внизу, на Уилмслоу-роуд, слышался шум уличного движения, неясные, размытые звуки из глубины небоскреба. Кажется, в соседней комнате играла песня *Portishead*, «Glory Box».

– Так... – сказала Ханна. – Пишем доклад?

– О, конечно. Как насчет того, – начала Лисса, – чтобы для начала мы назвали все виды отвратительного? Все, что сможем придумать.

– Зачем? – удивилась Ханна. Она со своим аналитическим мышлением не была любительницей просто так думать о таких вещах.

– А почему бы и нет? Давай! – Лисса махнула рукой с сигаретой. – Сколько ты сможешь назвать?

Ханна потерла переносицу:

– Ну, очевидно, моча, дерьмо. Еще кровь, два типа крови. Кровь из вены и менструальная кровь.

– Бьюсь об заклад, типов крови должно быть больше.

– Скорее всего, так и есть.

– Для начала этих достаточно. Рвота, сопли, ушная сера.

– Нам нужно это записать, – воскликнула Ханна, схватив

карандаш.

– Сколько их там? – спросила Лисса.

– Пока семь.

– А как насчет глазного гноя? – спросила Лисса.

– Наверняка это гадость. А ты уверена, что она называется гноем?

– Точно не знаю. Не хочешь курнуть?

Ханна выкурила косяк только раз в своей жизни. Это было в «Ритце» с Кейт прошлым летом, и она почувствовала головокружение и тошноту. Смущаясь, она подошла к окну и взяла косяк у Лиссы. Короткая задержка, чтобы только понять вкус. Лисса удивленно наблюдала за ней краем глаза, потом сама взяла блокнот и ручку.

– Намочила бы его получше, горит неровно, – сказала Ханна, на этот раз затягиваясь поглубже. – Кстати говоря, я могла бы немного смочить его, пока он не догорел до основания.

– Хорошо, – сказала Лисса. – Давай.

– О, мокрота! – вспомнила еще Ханна.

– Хорошо, только не говори больше слово «мокрота».

– Мокрота.

Обе девушки фыркнули от смеха.

– А еще перхоть!

– Перхоть подойдет, – записала Лисса и повернулась к окну.

Они сидели так близко друг к другу, что она чувствовала

запах духов и шампуня Ханны.

– А как насчет детей? – спросила Лисса, забирая у разочитившейся Ханны косяк.

– А что они?

– Ну разве они сами по себе не отвратительны?

– Может быть, – ответила Ханна, наморщив носик. – Или по крайней мере то, что их окружает. Как это называется? Какая-то жидкость. Амниотическая?

– Да. Вот и все. Мы должны создать группу, – продолжила Лисса, хихикая. – «Амниотики», нет, лучше «Отвращение».

Теперь они уже рассмеялись от души.

– Боже, ну и идея. «Отвращение», замечательно!

Они даже придумали футболки группы – совершенно черные с ярко-розовым названием через всю грудь. Ярко-розовый, решили они, уместен, поскольку в нем есть своя ирония. А в текстах песен они будут называть то, что вызывает у них отвращение, приводя примеры из собственной жизни. Они обсуждали, может ли вытекающая после секса из влагалища мужская сперма, мажущая трусы, расцениваться как вызывающая отвращение.

(Будучи девственницей, Ханна предоставила Лиссе возможность говорить о сексе). Они пришли к заключению, что существует множество видов вагинальных выделений: те, которые оставляют белую корку, те, которые оставляют желтую корку, те, которые заливают вас, когда вы возбуждены. Они обсудили, является ли само слово «выделение», окруженное

негативными коннотациями, патриархальным по своей сути термином, и пришли к выводу, что типов вагинального кошмара столько же, сколько у эскимосов слов для обозначения снега.

Они с удовлетворением наблюдали за смущением парней. Они почувствовали новую силу, буквально наэлектризовались. Так они стали подругами.

Ханна

Она стояла в очереди за рыбой, нетерпеливо нависая над прилавком. Солнце ярко светило в окно, крики и шум рынка за спиной успокаивали. День выдался теплый, лед таял, и остатки дневного улова были покрыты кровавыми полосами поверх чешуи. Двое молодых людей в рыбацких сапогах сновали между прилавком и разделочным столом, где потрошили рыбу и складывали ее в мешки.

Шесть лет назад, когда она переехала в этот район, этот магазин принадлежал одному старому ямайцу и был выкрашен в цвета ямайского флага. Этот старик продавал свежую и соленую рыбу, овощи и всякую мелочь, благовония и регги на контрабандных кассетах. Он был самым большим красавчиком в округе. Потом организовали целую кампанию, чтобы помочь ему продать бизнес. Когда наконец выкупил застройщик, в «Гардиан» появились заметки местных журналистов о том, что на этом месте будет построено кафе с навесом. Кафе занимался тот же застройщик. Под сводами местной церкви было созвано гневное собрание, на которое пришли все неравнодушные. Она еще помнит мужчину лет пятидесяти с побагровевшим от гнева лицом, кричавшего о чем-то. Тогда здесь было намного лучше.

Теперь же рябь от событий тех дней сгладилась, свежую рыбу на прилавках заменили ананасы, привозная соле-

ная треска и бананы. Только торговец рыбой не помолодел. Несмотря на горечь воспоминаний, Ханне нравилось это место с его рыбацкими лодками и кокетничающими молодыми людьми, с его ощущением, что море все еще полно изобилия, что с миром все еще в порядке.

Наконец настала ее очередь, и она, как и положено, немного построив глазки, купила медальоны из морского черта, спросила совета продавца, что добавить к рыбе, купила шафран и самфир, сложив все это в сумку. Она чувствовала, как потеет, просто выходя из магазина с продуктами, – первый признак гормонального спада. Ну и самая трудная часть, о которой вам не расскажут доктора, – снижение гормональной регуляции, слабое подобие менопаузы, которое одолевает женщину раз в три недели, когда гормоны подавлены до нуля, а это дневная потливость, ночная потливость и постоянное желание плакать.

Но у нее удивительно хорошо получалось не плакать, а это настоящее искусство.

Выйдя на улицу, она прошла мимо кофейни, обходя неизменные коляски, перекрывающие тротуар. Ее взгляд скользнул по младенцам, по матерям, сжимающим в руках стаканчики с капучино и белые салфетки. Когда она проходила мимо цветочного стенда, она задержала взгляд на витрине и остановилась. Женщина за прилавком повернулась к ней – ей было под шестьдесят или чуть за пятьдесят.

– Вы что-то присмотрели? – спросила она с улыбкой.

– Я? – недоуменно начала Ханна, на мгновение растерявшись. «А правда, что мне здесь нужно?» Потом она показала на витрину:

– Мне что-нибудь небольшое.

Женщина наклонилась к ведрам и достала высокий шипастый цветок.

– Ворсянка, – сказала она, – из моего собственного сада, в этом году у нас был небывалый урожай. А вот астра.

Женщина перевязала пурпурные цветы бечевкой. Протягивая их Ханне, она невольно коснулась ее руки костяшками пальцев.

Ханна шла в сторону нижней части рынка, где толпа заметно редела. Она пересекла канал и повернула направо к своей квартире. Толкнув сумками неприглядную металлическую дверь, она поднялась на последний, третий этаж здания, которое в прошлом долго было пабом. Им пришлось соревноваться за покупку с двенадцатью другими семьями и закрывать свое предложение по стоимости на следующий же день. Никто не купил эту квартиру для них. Никто им не помогал.

Когда Кейт принимала решение о переезде в Кентербери, она навестила Ханну, долго любовалась открывшимся видом и вслух удивлялась везению подруги.

Но Ханне так и хотелось сказать, что это вовсе не везение. Так устроена жизнь. Ты много работаешь, копишь на протяжении всех двадцати лет и к тому времени, когда тебе уже

хорошо за тридцать, у тебя собирается достаточно денег на нужный проект. Это не магия, а простая математика.

А теперь Кейт живет в доме, купленном для нее родителями мужа, и за этот дом, похоже, ей вообще не придется платить по закладной. У нее здоровый и красивый сын, зачатый с величайшей легкостью. Но она снова несчастна. По крайней мере, так она говорила по телефону вчера вечером.

Ханна освободила сумку с покупками, убрав рыбу, самфир и вино в холодильник. Подрезала стебли цветов и поставила их в вазу, которая отбрасывала длинную тень в свете полуденного солнца. Ворсянка всегда удивляла ее отточенной, суровой красотой.

Ханна вся вспотела. Она подошла к раковине ополоснуть лицо. Странное чувство, как будто что-то стянуло череп, не отпускало ее. Ей снова хотелось заплакать. Нэйтан! Как ей хотелось, чтобы он был здесь, рядом с ней, хотелось чувствовать его руку на спине! Но он был в библиотеке. Хотя она и располагалась всего в нескольких минутах езды на велосипеде вдоль канала, сути дела это не меняло. Его сейчас не было рядом. Но скоро он будет дома, они вместе поужинают. Все будет хорошо. Ханна посмотрела вверх, ее взгляд остановился на цветах, столе, лампе.

Всем своим существом чувствовала, что этот дом является ее творением.

Стол она нашла в старой железнодорожной арке и провела выходные на террасе, очищая его песком.

На фотографии в рамке на стене – дом в Корнуолле, где Нэйтан сделал ей предложение. Она часто разглядывала ее и удивлялась, как хорошо видна каждая травинка.

Ковер она купила в один из уикендов, когда они летали в Марракеш. Она не забыла ночные покупки на восточном базаре, суету переговоров о цене, а затем окончательную капитуляцию, покупку и опять непомерную цену за его перевозку. Густая кремовая шерсть Бени Уарайн с высоких Атласских гор была прекрасна.

– Он принесет вам удачу, – сказал тогда продавец, обводя пальцами виртуозные узоры. Ханна была готова поклясться, что взгляд продавца скользнул по ее лону, когда она доставала кредитную карточку, чтобы расплатиться.

Диван они купили на складе в Челси. Она выбрала его за низкую посадку, характерную для середины XX века, и за его темно-синее полотно. Именно на этом диване она сидела после первой попытки ЭКО, держа в руке тест с двумя четкими розовыми полосками. Пока она сидела на этом диване, завернувшись в одеяло, Нэйтан готовил супы и ризотто для своей беременной жены.

Чуть дальше по коридору – ванная комната. Белые неровные плитки. Лосьоны в простых пузырьках из коричневого стекла. Пол, где она корчилась от боли, когда через сутки из нее вышел кровавый сгусток. Ее не родившийся плод. Они с Нэйтаном не знали, как поступить, и поздно вечером отправились в парк, где закопали погибший эмбрион глубоко

в землю.

Но подождите, пройдемте по коридору в маленькую комнату, откройте дверь, постоит внутри и посмотрите, как падает свет. Здесь он мягче, рассеянее. Комната ждет, в ней нет ничего, кроме тихого ожидания.

Это дом, который создала Ханна, и он на три этажа выше Лондона.

* * *

Тушеное мясо готово и стоит, пузырясь, на плите, рядом хрустящий хлеб и миска айоли. На барном столике блестит бутылка белого вина, занимая почетное место по соседству с двумя стаканами. Ханна нарезала петрушку, сбрызнула лимонным соком и посолила. Хлопнула входная дверь. Спустя мгновение Нэйтан уже стоял позади нее, положив руку ей на спину.

– Привет, – она повернулась к нему и коротко поцеловала его в губы. – Как продвигается глава?

Когда Нэйтан заканчивал главу, он отправлялся в Британскую библиотеку. Он говорил, что ему нравится проводить там выходные. В читальных залах тише, да и работается там легче, чем дома.

– Ну ты знаешь, как. Медленно.

Она протянула ему бокал вина, который он с благодарностью взял, разложила тушеное мясо, посыпала сверху пет-

рушкой и подала Нэйтану тарелку. Хлеб и масло уже стояли на столе. Ханна села на стул перед мужем, чувствуя некую церемониальность происходящего. Сегодня суббота, именно в этот день она разрешила себе есть и пить все, что любит. Она сделала глоток вина. Вкус чистый и яркий, она могла бы выпить все залпом, но она этого не делает, оставляя недопитый бокал рядом с тарелкой. Дисциплина – это то, что у нее было всегда, и это то, что она распространила на всю свою жизнь: диету, физические упражнения и веру. Никакого кофеина. Никакого алкоголя, кроме субботних вечеров.

Нэйтан посмотрел на нее, поймал ее взгляд и, протянув свою руку через стол, взял ее ладонь.

– Все очень вкусно.

– Спасибо.

– Да, – продолжил он, – я хотел тебе сказать, что видел Лиссу.

– Лиссу? Где?

– В библиотеке. Вчера.

– В библиотеке? Что она там делала?

– Сказала, что хочет немного почитать. Готовится к кандидатской аспирантуре.

– Забавно. Никогда бы про нее такого не подумала.

– Ну ты же знаешь Лиссу. Она всегда казалась мне немного бессистемной.

Нэйтан протянул руку к бутылке и налил себе еще бокал.

– Нэйт? – произнесла Ханна совсем тихо.

– Что?

– Мне кажется ... Это, правда, глупо, но у меня мелькнула мысль в начале недели, когда я начала делать эти уколы. Когда я стояла со шприцами, то подумала о проведении какого-нибудь... ритуала.

Это слово прозвучало странно. Ханна неожиданно почувствовала, как пот выступил у нее на лбу, и промокнула его рукавом.

– Какого ритуала? – Нэйтан отложил ложку и скрестил руки под подбородком. О ритуалах он рассказывал на лекциях – они были его хлебом.

– Не знаю, – она чувствовала, что краснеет, жар снова охватывал ее. – Что-нибудь, чтобы отметить попытку. Ну, если получится. Если бы мы хотели отметить начало чего-то нового, что бы мы могли сделать?

– Ну, ритуал может быть каким угодно. Необязательно даже, чтобы он был серьезным. Мы можем сделать что-нибудь глупое. Что-то простое, – он накрыл своей рукой ладонь Ханны, проводя большим пальцем по ее костяшкам. – Мы могли бы зажечь свечу, – продолжил Нэйтан. Ханна молчала. – Или могли бы просто ничего не делать. Просто сидеть и смотреть.

– Да, – словно очнулась Ханна, немного смущенно высвобождая руку. – Да, давай просто подождем и посмотрим.

Лисса

– Это ты, милая? – Сара открыла дверь и тут же удалилась обратно в темноту холла. – Заходи, на плите для тебя кое-что есть.

Лисса прошла за матерью через холл на кухню.

– Я тут готовлю суп, хотя непонятно, зачем, кому. У нас и так чертовски жарко. Будешь?

Сара подошла к плите и, сняв крышку с кастрюли, помешала суп. Ее длинные седые волосы были беспорядочно скручены на макушке и удерживались двумя японскими гребнями. На ней был синий рабочий фартук, старый и весь в краске.

– С удовольствием, – ответила Лисса. Она никогда не отказывалась от еды, когда гостила у мамы, ведь мама – фантастический повар.

– Еще десять минут, – оценила Сара, закрывая кастрюлю. – А я пока приготавливаю салат.

Лисса согнала кота с одного из стульев и села. На кухне царил беспорядок, пожалуй, больший, чем обычно: кучки писем на столе, некоторые из которых распечатаны. Периодические издания – «Нью Стейтсмен», старые издания «Гардиан ревью», письма от «Гринписа» и «Свободы от пыток». Один официальный конверт не распечатан, мама использует его для пометок, ее изящным почерком выведено: «Джуди?»

Кортизол? Спросить доктора Л. Руби – таблетки».

Лисса подняла голову:

– Что случилось с Руби?

– Что-то с животиком. Бедняжку тошнит и поносит уже несколько дней. У того ветеринара приема ждать вечность.

– Как твоя рука?

– О, ты же знаешь, – Сара пошевелила пальцами. – Все в порядке.

– Это похоже на важное письмо, – заметила Лисса, показывая конверт матери.

Сара повернулась обратно к плите, отмахиваясь от Лиссы.

– Вовсе нет. Как раз по конверту и видно.

– Неужели? – удивилась Лисса.

– Благотворительный фонд просит еще денег. Или кто-то еще хочет, чтобы я раскошелилась.

Сара вытащила из кармана фартука кисет и свернула себе папироску.

– Будешь?

– Конечно.

Лисса взяла протянутый кисет и, наслаждаясь вкусом подслащенной бумаги на языке, принялась скручивать сигарету. Ее мама всегда пользовалась одной и той же маркой папиросной бумаги. Только лакричная бумага «Ризла». Сколько Лисса себя помнила, другой она у матери не видела. Мама снова была вся в делах. Фартук, беспорядок на кухне и какая-то маниакальная энергия, как будто где-то поблизости, в

соседней комнате, идет собрание. Впрочем, Лисса знала достаточно, чтобы не расспрашивать мать. Над чем бы Сара ни работала, это всегда было что-то новое.

– Тмин, – мама вновь загремела в шкафах. – Нужен тмин!

Лисса небрежно бросила конверт обратно в кучу, чем вызвала небольшой оползень, остановившийся только у вазы с фруктами. Если мама не собирается беспокоиться о неоплаченных счетах, то она о них тоже думать не будет.

– Сладкая паприка? – Сара повернулась к Лиссе с банкой в руках.

– Как скажешь, ма.

– Думаю, должно сработать. Семена тмина, никогда без них не готовлю. Странно, куда они подевались?

– Могу я чем-то помочь? – спросила Лисса.

– Мне нужно что-то для салата. Нарезь, что захочешь. Подожди!

Сара бросила ей засаленную коробку спичек, Лисса поймала их и побрела к двери, распахнутой навстречу летнему воздуху.

Пожалуй, в этом доме самым приятным местом был сад. Мама была прекрасным садоводом, и то, что казалось хаосом внутри дома, снаружи неожиданно обретало смысл. Только там чувствовался тонкий баланс между ухоженными грядками и красотой соседствующей дикой природой. Лисса чиркнула спичкой и закурила.

– Я получила роль, – проговорила Лисса вникуда, любуясь

лавандой и жимолостью.

– Прости, дорогая? – не расслышала Сара. – Что ты сказала?

– Помнишь ту пьесу? – спросила Лисса, выпуская дым тонкой струйкой и возвращаясь на кухню. – Я тебе о ней рассказывала?

– Напомни.

Лицо матери было в тени, и Лисса не могла понять ее настроя.

– Чехов. Елена.

– О, замечательно. Это замечательно.

Мать подошла ее обнять, и Лисса почувствовала запах ее травяного шампуня и краски для волос.

Лисса рассмеялась, словно воскресив в памяти то веселое возбуждение, которое посетило ее, когда она только услышала эту новость.

– Спасибо. Режиссер – женщина. С ней непросто, но, мне кажется, свое дело она знает.

– Чудесная новость. Мы должны это отпраздновать!

Прежде чем Лисса успела возразить, Сара уже извлекла из шкафа бутылку.

– Хм, белое вино. «Лидл Пуйи-Фюиссе». У тебя все будет хорошо. Подожди, оно не охлажденное. Есть немного «Гордона». Стоп. Не уверена, что у меня есть лед. Но я могу отколоть кусочек от морозилки. Может, начнем?

– Конечно. И отрежь мне дольку лимона.

Что-то напевая, мама налила две большие порции джина и сбрызнула их тоником.

– Немного пошло, конечно, но сойдет, – сказала Сара, протягивая ей стакан. – Пошли посидим в саду. Салат может подождать.

Сара первой спустилась по извилистой каменной дорожке, минуя кусты лаванды, помидоры, кабачки и лекарственных трав, к беседке, где стояли небольшой стол и несколько стульев, выбеленных непогодой.

– Ты далеко пойдешь, дорогая, – Сара наклонилась вперед и снова зажгла потухшую сигарету Лиссы. – За тебя!

Она подняла еще бокал.

– Теперь за Чехова. Так Елена – это?..

– «Дядя Ваня», – пояснила Лисса.

– Ваня. Изумительно. Напомни мне, это тот, который в конце стреляется?

Мама сбросила с губы крошку табака.

До выхода на пенсию Сара преподавала английский язык и историю искусств в местном колледже. Это была хорошая школа в Северном Лондоне – из тех, в которые родители среднего класса всеми правдами и неправдами хотят устроить своих детей.

– Это «Чайка», – ответила Лисса.

– Ах да, «Чайка». Там еще была неудачливая молодая актриса. А что с Ваней?

– Тоже неудачник, – пояснила Лисса. – Неудачник по жиз-

ни. Все они неудачники, это же Чехов.

– И ты – жена этого...

– Неудачливого профессора Серебрякова?

– Совершенно верно. О боже, мне кажется, я когда-то видела, как эту роль играла Гленда.

Лисса знала, что Гленда Джексон была своего рода эталоном для ее матери, когда речь шла обо всем хорошем и полезном в актерской профессии.

– Или нет... погоди! Это была красавица... Грета или как ее?

– Скачки?

– Вот именно. Она была прекрасна. И ты тоже будешь несравненна.

Сара наклонилась вперед и для убедительности взяла Лиссу за руки:

– Ты молодец. У тебя будет все как надо. Ты должна сказать об этом Лори. Она будет в восторге.

Лори была старой подружкой ее матери, преподававшая драматургию в школе, где работала Сара. Много лет назад Лори вечера напролет занималась с Лиссой, чтобы подготовить ее к поступлению в театральную школу.

– Лучше ты скажи ей, – ответила Лисса.

– Так и сделаю.

Сара отодвинулась от дочери и задумчиво посмотрела на нее сквозь дым. Ах, этот взгляд матери, ничто не ускользнет от него. Сколько она под ним страдала? В детстве Лисса слу-

жила матери моделью, часами просиживая в старом потрепанном кресле на чердаке. До тех пор, пока однажды, когда ей исполнилось восемь, она не отказалась наотрез.

– Должна сказать, – произнесла Сара, – это замечательно, что ты можешь сойти за... ту героиню, кем бы она ни была. Я имею в виду, им никогда не бывает больше тридцати, не так ли, этим женщинам в пьесах? Если только им не за пятьдесят. Или если это не горничная неопределенного возраста. Горничные пошаркают немного туда-сюда, разожгут самовар-другой, что с них взять, – Сара махнула сигаретой в воздухе.

– Замечательно, – согласилась Лисса, не будучи совсем в этом уверенной. Да, замечательно, что она может сойти за тридцатилетнюю. Но там все персонажи между тридцатью и пятьюдесятью – не только у Чехова, но и у всех остальных. Возможно, и вообще в жизни. Возможно, это и есть годы женственности. Годы настоящего застоя.

– Ух, – ее мать сделала большой глоток. – Весело, правда? Я уже целую вечность не пила днем. Так кто у вас там режиссер?

– Она полька. Зовут Клара.

– Не могу представить, почему ты мне ничего раньше не говорила.

– Не вижу больше смысла. Все это пустяки, – ответила Лисса, аккуратно поддевая ногтем заусенец.

– О, не говори так. Сообщай мне, если вдруг что-то под-

ворачивается. Я дам тебе свои счастливые серьги.

– Не уверена, что они такие уж счастливые.

– Они помогли, когда ты получила ту роль в телике. И когда болела, – Сара укоризненно ткнула сигаретой в сторону Лиссы.

Меж тем солнце обогнуло угол дома и теперь бросало лучи на траву рядом с ними. Лисса наклонилась, подставляя ему лицо. Кошка, мяукая, прижималась к ногам матери.

– Так когда ты начинаешь репетировать?

– Через неделю в понедельник.

– Так скоро? И сколько у тебя на все времени?

– Четыре недели.

– Тогда вполне прилично. И хорошо они вам будут платить?

– Не особенно, но мне хватит.

– Хорошо, – произнесла Сара, туша сигарету в ближайшем горшке с растениями. – Хорошо.

Она хлопнула в ладоши.

– Ладно. Ты есть хочешь?

Лисса кивнула.

– Я помогу, – сказала она, вставая.

Но мама отмахнулась.

– Ты садись, наслаждайся солнцем. Сейчас оно как бы обходит вокруг дома. Свет в это время дня просто волшебный.

Лисса осталась сидеть на крыльце, слушая, как мама гремит посудой на кухне. Оттуда даже доносились какие-то от-

рывки из опер. А в небе над головой на фоне тускнеющей синевы сверкали белыми линиями следы самолетов. Было еще довольно жарко, и Лисса обернулась, поглядывая на дом, в тени которого хотела скрыться. Сара купила этот дом на отступные отца Лиссы тридцать лет назад. Она никогда не тратила на дом много денег, у нее их никогда много и не было. Учительской зарплаты хватало на хорошую еду, холсты и краски и время от времени на поездку в отпуск. Если бы сейчас она продала этот дом, то хорошо бы разбогатела.

– Салат готов!

Сара поставила на стол две тарелки ароматного супа и вернулась с большой деревянной миской. Горькие красные листья салата, смешанные с зеленью и посыпанные сверху грецкими орехами и кубиками козьего сыра. В отдельной плошке – оливковое масло с каплей бальзамического уксуса. Хлеб с соленым маслом. Какое-то время они ели в тишине, прислушиваясь к окрестным звукам. До них доносились крики детей в бассейнах, запахи шашлыков, смех людей. Пыльный, веселый конец отпусков. Лето в самом разгаре радовало солнцем лица и обнаженные торсы.

– А как все остальное? – спросила Сара, закончив есть, сворачивая еще сигарету. – Как Ханна и Кейт?

– Кейт сейчас в Кенте. Вроде бы. Я давно с ней не общалась.

– Почему?

– Ну, знаешь. Такое иногда случается.

– Какое?

Лисса пожала плечами.

– За дружбу надо держаться, Лисса. Женская дружба – это единственное, что в итоге тебя спасет.

– Я это запомню.

– Хорошо, – ответила Сара, глядя на Лиссу сквозь дым. – Я всегда восхищалась Кейт.

– Я знаю.

– У нее есть принципы.

– Неужели? – удивилась Лисса. – Полагаю, какие-то.

– А Ханна? – спросила Сара.

– У Ханны все в порядке. Я видела ее прошлым вечером.

– Она все пытается?

– Да, она предприняла еще одну попытку ЭКО, – Лисса макнула хлеб, собирая остатки еды с тарелки.

– Бедная Ханна, – нахмурилась ее мать.

– Ага, – подтвердила Лисса.

– Бедная, бедная, – повторила Сара.

– Ханна не бедная.

– Это фигура речи.

– Я понимаю, – возразила Лисса, – но это же не так. Она довольно успешна. Она и Нэйтан.

Сара отставила ложку.

– Что это ты вдруг вспылила?

– Я не вспылила, просто хочу, чтобы ты была точна в фактах, которые комментируешь.

– Я говорю «бедная Ханна», потому что знаю, что она уже много лет пытается завести ребенка. Я бы не смогла придумать ничего хуже.

– Неужели? А как насчет бесплодных попыток построить карьеру?

Сара замерла.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего.

– Нет, правда, что именно? – Глаза матери теперь остро всматривались в лицо Лиссы: – Что ты имеешь в виду? Ты имеешь в виду себя? Так ты себя чувствуешь, дорогая?

– Да. Но вообще-то нет. Забуди это, давай просто проедем. Пожалуйста. Мы очень мило сидим, давай не будем портить вечер.

– Хорошо, – согласилась Сара, наклонившись и сажая Руби на колени. Она рассеянно гладила кошку по голове, и в наступившей тишине было хорошо слышно, как громко она урчит. Лисса доела салат.

– Твое поколение, – тихо начала ее мама, – если честно, совершенно сбивает меня с толку.

– Почему? – удивилась Лисса, отодвинув тарелку.

– У вас было все: плоды нашего труда, нашего активизма. Боже правый, мы вышли на улицы и изменили мир – для вас, для наших дочерей. И как вы этим распорядились?

Вопрос повис в летнем воздухе тяжелым грузом. Сара прикрыла глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри се-

бя.

– Когда я была в Гринэм-Коммон, я стояла там в большом круге, обнявшись с другими женщинами. Рука об руку вокруг авиабазы королевских ВВС. И ты была там, рядом со мной. Помнишь?

– Помню.

Пыльный палаточный лагерь. Забор, увешанный детскими игрушками. Много других детей, много песен, и все, абсолютно все, знали слова этих песен. Женщины с румяными лицами, сгрудившись под брезентовым навесом, бесконечно пили чай. Лисса видела там подруг ее матери – Лори, Ину, Каро и Роуз. Мужчин среди протестующих не было. Единственными мужчинами были патрульные солдаты по ту сторону стены, наставлявшие стволы винтовок на протестующих.

Лисса не забыла тот ужасный синий рассвет, когда пришла полиция и за волосы выволокла ее из палатки.

Она помнила, как плакала, просясь домой. И выражение лица матери. Огромное разочарование, как будто она ожидала большего.

– Мы боролись ради вас. За то, чтобы вы были необыкновенными.

Лисса смотрела на стену, где глициния вот уже много лет сражалась за пространство с плющом.

– Мне очень жаль, – сказала она со знакомым щемящим чувством в груди, – если я тебя подвела.

– О боже, – проговорила Сара, затушив сигарету. – Не надо так драматизировать. Я совсем не это имела в виду.

* * *

Лисса проехала в метро от «Госпел-оук» до «Камден-роуд». В этот субботний полдень вагон наполнился семьями, возвращающимися домой с Хит. Дети были перевозбуждены, на их розовых лицах виднелись следы мороженого и солнцезащитного крема. Родители выглядели измученными, покрасневшими от пары бутылок пива. Вот ехала женщина ее возраста, явно только что из воды, судя по влажным кончикам волос. В Камдене многие вышли, и ей удалось сесть. Стояла ужасная жара, день выдался душный. Рядом с ней сидел подросток с красными белками глаз – он слушал в наушниках музыку.

Поезд остановился на центральном вокзале Хакни, и Лисса пошла через парк. В этом царстве молодости день только начинался. Люди собирались группками по пять-десять-двадцать человек, отовсюду тянулся дым от сигарет, травы, барбекю. Звенели бутылки вина и кока-колы, наступал обычный вечер. Лисса прошла мимо двух девушек с задранными юбками, которые писали, спрятавшись за деревом.

Она жила совсем рядом с парковой зоной, в бейсменте старого дома. Она переехала сюда два года назад, когда Ханна и Кейт жили еще наверху. Лисса тогда встречалась с Де-

кланом, который внес за нее первый платеж и помогал с арендой. С тех пор, как они расстались, Лисса ухитрялась держаться на плаву благодаря сомнительному сочетанию работы модели, оператора в колл-центре, актерских подработок и некоторых налоговых льгот. Да, она споткнулась, но выжила. Все просто.

Как же хорошо, что в квартире прохладно! Она бросила сумку в крошечной прихожей, прошла на кухню, налила из-под крана стакан воды и залпом выпила. По ту сторону садовой ограды кто-то фальшиво тянул: «С днем рожденья тебя-я-я-я!»

Лисса легла на кровать в спальне и закрыла глаза. У нее болела голова – то ли от выпитого, то ли от общения с матерью, то ли от жаркого солнца. «Мы изменили мир для вас. А что вы сделали с ними?».

Она хорошо знала, о чем думает Сара. О том, что она зря потратила время, вообще взявшись за эстафетную палочку в этом феминистическом марафоне между целыми поколениями.

Ей следовало бы ответить матери сегодня просто и ясно: «Мы справляемся, как, блин, можем».

Приглушенный рев музыки из парка жутко раздражал, и она перешла в соседнюю комнату, где тут же опустила жалюзи от заходящего солнца.

Она достала из сумки диск с фильмом «Осенняя соната». У Сары в ее запыленной комнатке с телевизором в большой

коробке хранилась целая подборка фильмов Бергмана. На обложке диска красовались красивые профили двух главных героинь. Лисса какое-то мгновение взвешивала его в руке, а затем решительно пододвинула ноутбук и вставила в него диск.

Сначала ей было откровенно скучно. Ее отталкивала нарочито упрощенная, слишком статичная работа оператора. Монологи перед застывшей камерой казались неуклюжими. Лисса даже подумывала выключить фильм, но в этот момент Ингрид Бергман вступила в игру, и события в фильме стали интереснее. Это было как смотреть боксерский поединок между двумя тяжеловесами, равными по силе, раунд за раундом методично осыпаящими соперника ударами. Со столь же упорной методичностью в фильме мать и дочь искали путь к сердцу друг друга, обнажая самую суть своих отношений. Прошло полчаса, и Лисса осознала, что сидела все это время, затаив дыхание, а в конце вообще превратилась в маленький напряженный шарик, обхватив руками колени.

Когда фильм закончился, она встала и прошлась по гостиной, чувствуя, как кровь болезненно возвращается к конечностям. Лисса свернула сигарету, открыла окно и, сев на подоконник, закурила. Снаружи уже стемнело. В приятной прохладе ночного воздуха она заметила, как руки покрылись пупырышками гусиной кожи. Запах бензина смешивался с ароматами жареной еды из парка.

Она сейчас думала о Нэйтане, о выражении лица, с кото-

рым он сидит в библиотеке. «После этого фильма мне понадобился психотерапевт». Большинство мужчин такое не скажет. Но Нэйтан никогда не был таким, как большинство мужчин. Благодаря Саре она с ним и познакомилась. Первая встреча с ним случилась сразу после того, как она отказалась позировать маме. В какой-то момент Лисса четко поняла, что больше не хочет проводить субботные дни на чердаке, работая моделью. Поскольку суббота неизменно была для мамы днем рисования, она быстро нашла себе другую модель, и Лисса оказалась целиком предоставлена самой себе.

В первые несколько недель Лисса смотрела по субботам незамысловатые утренние шоу, а потом начала понемногу выходить из дома и даже спускаться с холма в Камден, не говоря Саре, куда идет. Дети постарше болтались группами у канала. Она покупала кока-колу, устраивалась на мосту и долго наблюдала за этими детьми. Среди них оказался и Нэйтан. Он не принадлежал ни к какому молодежному движению, он был просто подростком из Северного Лондона, который болтался, где хотел, и покуривал травку в субботные дни на канале.

Однажды в холодный полдень он подошел к ней: «У тебя все хорошо? Ты замерзла?» Так, кажется, он и спросил. Она призналась, что да, замерзла, и он протянул ей свой джемпер. Он был большим и теплым, с дырками в манжетах под большие пальцы. Они распили банку сидра и выкурили си-

гарету.

Через несколько лет они увиделись в «Камден-пэлэс». Обнялись. Только крепким объятием и можно выразить дружескую, платоническую любовь. Потом Нэйт уехал учиться в университет, и у нее не осталось даже его телефонного номера. Лисса не видела его в течение многих лет, вплоть до той ночи, когда она сразу после выпускного столкнулась с ним на вернисаже Сары, где и представила его Ханне. Сама Лисса в то время была увлечена Декланом.

Сейчас ему, должно быть, около сорока.

Она достала телефон и начала набирать ему сообщение.

Бергман меня поразил. Спасибо.

Добавила смайлик-поцелуй. Убрала. Добавила снова. Стерла написанное и начала заново.

Как ты узнал?

Стерла. Отложила телефон.

«Как ты узнал, что это заставит меня расчувствоваться так сильно? Можно я тебе позвоню? Я хочу поговорить».

Она снова взялась за телефон и написала:

Спасибо за Бергмана. Мне очень понравилось. Целую, Лисс.

Единомышленник

2008 год

В свадебную ночь Ханна Кейт переспала с единственным неженатым мужчиной за их столиком, одним из кузенов Нэйтана, тридцативосьмилетним банкиром. После этого она встречалась с ним довольно часто. Иногда он звонил ей в одиннадцать часов вечера, и она приезжала к нему. Он жил один в Далстоне. Это было где-то на дальних окраинах Лондонских полей по направлению к Квинсбридж-роуд. В доме у него была большая кухня с огромной плитой, но он ее не использовал, покупая все готовое. Эти объемные пакеты быстро заполняли его мусорное ведро.

Сексом они занимались в основном у него. Иногда, если он уезжал по делам, они встречались в отелях Манчестера, Бирмингема или Ньюкасла в дорогих номерах с удивительно неброской роскошью. Вместе они смотрели порно. До него она не увлекалась порно и была удивлена тем, насколько оно ее возбуждало. Однажды они занимались сексом перед веб-камерой своего компьютера, а в это же время, где-то в южных штатах США, другая пара занималась сексом в своей комнате перед своим компьютером. Кейт это определенно заводило.

Эти встречи продолжались почти год. Днем они никогда

не встречались. Он никогда не приглашал ее в галерею или на ужин. Он был ее секретом. Она чувствовала стыд, когда думала о нем. Иногда он исчезал из ее жизни на месяц, и Кейт знала, что он занимался сексом с кем-то другим. Иногда она ненавидела его, ей хотелось, чтобы он был другим человеком. Но он не был ни плохим человеком, ни придурком. В нем было много положительного. Он просто не хотел, чтобы Кейт стала его постоянной девушкой, и, по правде говоря, Кейт тоже не хотела, чтобы он был ее парнем.

Однажды он перестал звонить. Она набрала его пару раз и стала ждать сообщения, что он готов возобновить их встречи. Вместо этого она получила короткую вежливую эсэмэску, говорящую, что он встретил кого-то особенного и сделал ей предложение.

Кейт было уже тридцать пять лет. Она хорошо понимала, что этот мужчина занимал в ее жизни место, которое мог занять достойный партнер. Ее охватывало чувство отчаяния. Кейт была готова обратиться к разделу брачных объявлений в «Гардиан». Это представлялось единственным разумным вариантом. Она выбрала фотографию с девичника Ханны в Греции. На ней она была снята издалека, сидела наверху на стене, поэтому не выглядела слишком полной. В выпадающем меню она прочла:

Женщины ищут мужчин.

Мужчины ищут женщин.

Женщины ищут женщин.

Мужчины ищут мужчин.

Она выбрала первый вариант, назвалась Легкой Чикой, призналась в любви к книгам, политике, писателям-модернистам и истории Ист-Энда.

Она пошла на свидание с парнем, который играл в музыкальной группе. Тощий, невысокий, шотландец, одет в черные джинсы. Задница у него отсутствовала. Глазами он шарил по комнате позади нее, пока говорил. После кружки пива он получил сообщение и встал. «Мне пора», – сказал он, наклонившись, и поцеловал ее в щеку.

Кейт поехала в паб «Ковент-гарден», огромный открытый паб на площади, которая всегда полна туристов. Там она встретила мужчину в костюме, который выглядел беспокойным и подавленным. Он признался, что недавно развелся. Его жена хотела получить опеку над детьми. Кейт показалось, что в его присутствии ей нечем было дышать. В конце концов она извинилась, сказала, что ей надо в туалет, и быстро выбежала из паба к метро.

Она продолжала попытки знакомиться, сознавая, что ей плохо от этого, что это причиняет ей боль. Но это было сродни азартной игре или какой-либо другой зависимости. И она продолжала уже помимо своей воли.

Однажды днем она в отчаянии спустилась к Лиссе.

Когда Кейт стучалась, она чувствовала всю нервозность ситуации и уже готовила слова. «Я бы не пришла, если бы не

была в отчаянии. Я знаю, что ты не хочешь меня видеть. Я знаю, что ты все еще злишься на меня».

Но Лисса, открыв дверь, одарила ее приятной улыбкой.

Кейт показала Лиссе свое фото.

– Господи! – воскликнула Лисса. – Как же можно было выбрать такой неудачный ракурс!

С помощью Лиссы Кейт выбрала другую фотографию – ту, на которой она крупнее и, главное, улыбается.

– И грудь, – заметила Лисса. – Нельзя же без нее!

– В самом деле?

– Это определенно очень важный фактор.

Они поменяли фото и отредактировали описание, чтобы Кейт смотрелась менее серьезной.

– Ты должна выглядеть так, как будто у тебя все в порядке и без партнера, – поучала Лисса. – Ничто так не отпугивает мужчин, как нужда, острая потребность.

Кейт оставалось только гадать, когда и где Лисса узнала эти правила.

На этот раз Кейт оказалась успешнее. С ней захотели встретиться сразу несколько мужчин. Она встретилась с одним из них: красивый, ненавязчивый, в очках, рыжеволосый. У Кейт даже дрогнуло сердце, когда она его увидела. Они выпили и пошли в ресторан. Много спорили о Филипе Роте ¹².

¹² Филип Милтон Рот – американский писатель, автор более 25 романов, лауреат Пулитцеровской премии (1998) и Международной Букеровской премии (2011).

Он писал рецензии на книги. Новый знакомый часто снимал очки и протирал их. На взгляд Кейт, он был мелковат, но это ее не смущало. Они поужинали, разделили счет и оплатили его. Едва соприкоснувшись губами в поцелуе, они сказали друг другу, как все было здорово, и разбежались. Долгое время она ничего от него не слышала. Постоянно проверяла электронную почту и наконец отправила ему сообщение. Затем другое. Ей начинало казаться, что она сходит с ума. Через некоторое время она нашла его новый профиль. Оказалось, что он сменил фотографию и написал, что хотел бы встречаться с кем-то, кто действительно любит книги.

В таком настроении ей все казалось ужасным. Мужчины были монстрами, да и она не лучше. Ей говорили, что в наши дни все знакомятся в интернете, подбадривали со всех сторон, но Кейт знала, что все эти люди в интернете – обьедки. Те, кто никому не сгодился. Она представить себе не могла, чтобы Лисса пошла знакомиться с мужчиной онлайн.

Она показывала ей фотографии этих никому не нужных людей.

– Слушай, – говорила Лисса. – Тебя не к тем влечет. Все они слишком худые. Позвоночник и голова. Тебе нужен медведь. Что насчет этого?

Она указала на мужчину с бородой и мешками под глазами.

– Он выглядит добрым. А может, этот?

Она наклонилась и щелкнула мышкой по профилю тату-

ированного мужчины в бейсболке.

– Вот он, – заявила она. – Попробуй с ним.

Кейт встретила с ним в лондонском пабе «Дан», близ бродвейского рынка. Они пили эль и много говорили о еде и музыке. Он оказался шеф-поваром и ничего не знал ни о политике, ни о книгах. У них было очень мало общего, и это восхитило Кейт. У него и близко не было высшего образования. Он бросил школу, чтобы поступить в колледж общественного питания, жил в Париже и Марселе, свободно говорил по-французски. Она вдруг почувствовала, что ждала его всю жизнь, этого человека совсем не из ее мира, который не заканчивал университетов и бегло говорил на языке марсельских притонов. Он совершенно с ней не флиртовал, а когда снял кепку, она увидела, что он начинал лысеть. От нее не укрылось, что ее новый знакомый сам волновался, наблюдая за ее реакцией. Через два часа после начала их свидания и нескольких пинт эля она уже твердо решила, что даже если он совсем облысеет, ей будет все равно.

Он признался, что хотел бы открыть ресторан. Никаких претензий на изысканность, только местная еда, только самая простая пища. Новый знакомый много спрашивал о ней. Кейт рассказала ему о своей работе, а работала она в небольшой компании, которая объединяла общественные проекты города с финансами крупных банков. Их офис находился на самом краю делового центра Лондона. Кейт рассказала про очереди в перерывах на ланч, про футбольный матч между

местными ребятами и сотрудниками немецкого банка. Рассказала, что местные, в общем-то, не любят приезжих. Как Кейт и ожидала, ему это понравилось. Рассказала о группе бенгальских женщин, которых она брала на встречу на тридцатом этаже в офисе Банка Америки. Их сари нервно порхали по холлу, как красивые птицы.

– Это здорово, – сказал он. – Хорошая работа – принимать целый день всю эту кучу богатых убождков.

– Да, – улыбнулась она, – давай выпьем за это.

Когда они поднялись из-за столика и отправились за напитками, Кейт заметила, что он как-то скован. К концу третьей пинты он уже перестал сдерживаться, и они даже целовались на улице, запустив пальцы в волосы друг друга.

Они пошли к нему. Это оказалась большая студия с видом на канал. У него в комнате имелась целая стена грампластинок. Он включил ей винтажный регги и открыл бутылку вина. Постель была разобрана, и он поспешил накрыть ее одеялом.

– Я сегодня никого не ждал, – объяснил он.

Она поверила ему, он все больше ей нравился. Кейт проголодалась, и он сказал, что приготовит что-нибудь. Она удивленно наблюдала, с какой поразительной ловкостью он рубил овощи. Кейт видела, хоть он и выпивши, нож ни разу не скользнул мимо. Татуировка, широкие предплечья. Лисса оказалась права. Что Кейт было нужно, так это медведь.

Он приготовил пасту с каперсами, чили и свежими поми-

дорами. Получилось невероятно вкусно, а после они занялись сексом на неубранной кровати. Ее поразило, как он был хорош в постели.

Утром, когда солнце встало над газовой башней над каналом, Кейт разглядывала его татуировки и слушала о каждой из них.

– А это что такое? – спросил он в ответ, рассмотрев на ее запястье тату в виде паука.

– Сделала в девяностые, – ответила она.

Через три месяца она узнала, что беременна, а через девять месяцев они поженились. С тех пор прошло пятнадцать месяцев, и теперь они жили в доме в Кентербери.

Как будто жизнь сама все за нее решила. Этот «медведь» подобрал ее и отвез далеко-далеко от дома.

Кейт

– Пойдем, – весело сказала Кейт Тому, жуящему банан. – Сегодня мы отправляемся в путешествие. Повидаемся с Ханной!

Сэм оторвал взгляд от телефона:

– Но сегодня суббота.

– Я знаю.

– Суббота – мой день.

– Это я тоже знаю, – ответила Кейт. – Но я хочу увидеться с Ханной, а на неделе она работает. Я думала, ты будешь доволен. Можешь вернуться в постель.

– Вообще я собирался... – начал он, надвинув бейсболку на голову. – Я собирался пойти к маме, но если ты так хочешь... Где ты с ней встречаешься?

– В Хэмпстеде. В парке.

– В Лондоне? – удивился он и посмотрел на нее непонимающим взглядом. – Почему?

– Потому что я скучаю по Ханне. Скучаю по Лондону. Том так быстро растет, и Ханна хочет увидеть его.

– Неужели?

– Что тебя удивляет?

– Ну, учитывая обстоятельства, не могу поверить, что это правда.

– Что именно?

– Ну... если бы ты была Ханной, ты бы скучала по Тому? Она опустила взгляд на руки, переводя дыхание.

– Она – его крестная. На ее месте я бы тоже скучала. Говорят, что для женщин, которые хотят забеременеть, быть рядом с детьми – это хорошо.

Том захихикал, и Кейт подняла на него взгляд. Ребенок им улыбался и хлопал в ладоши, он научился этому совсем недавно.

Кейт вытащила картонки из новых контейнеров. В этой посуде она планировала делать пюре, смешивая еду для Тома. Она взяла два яблока, рисовые лепешки, наполнила бутылочку Тома водой, положила пакет с подгузниками, слинг, сменную одежду, затем надела на Тома курточку, схватила бумажник и направилась к выходу. Сэм встал, чтобы открыть дверь, скептически глядя на нее.

– Что мне сказать маме? – спросил он, почесывая бороду.

– Скажи ей, что я должна повидаться с Ханной. Скажи, что мы увидимся на следующей неделе, во вторник. Тамсин все устроит. Не забудешь?

Сэм наклонился к сыну и чмокнул его в щеку.

– Ты уверена, что у тебя все будет в порядке?

– Все будет хорошо!

Кейт быстро прошла вниз по дороге, мимо поросшего кустарником участка травы с единственным деревом, мимо супермаркета, вниз по подземному переходу и дальше туда, где стояла разрушенная городская стена. Кейт решила, что ес-

ли будет идти достаточно быстро, то сможет прийти раньше, чем успеет устать. Солнце ярко светило, но на улице было холодно, зима все-таки. Морозный воздух стал таким бодрящим, каким она не помнила его долгие годы. Море. Должно быть, это как-то связано с близостью к морю. На Кейт была только тонкая куртка. Она подумывала о том, чтобы вернуться, но возвратиться означало сдаться. Если она это сделает, то все ее намерения обратятся в прах. Она вытащит Тома из коляски и застрянет дома. А Том всячески демонстрировал свою радость – дрыгал ногами, глядя то налево, то направо, и издавал звуки при появлении собак и прохожих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.